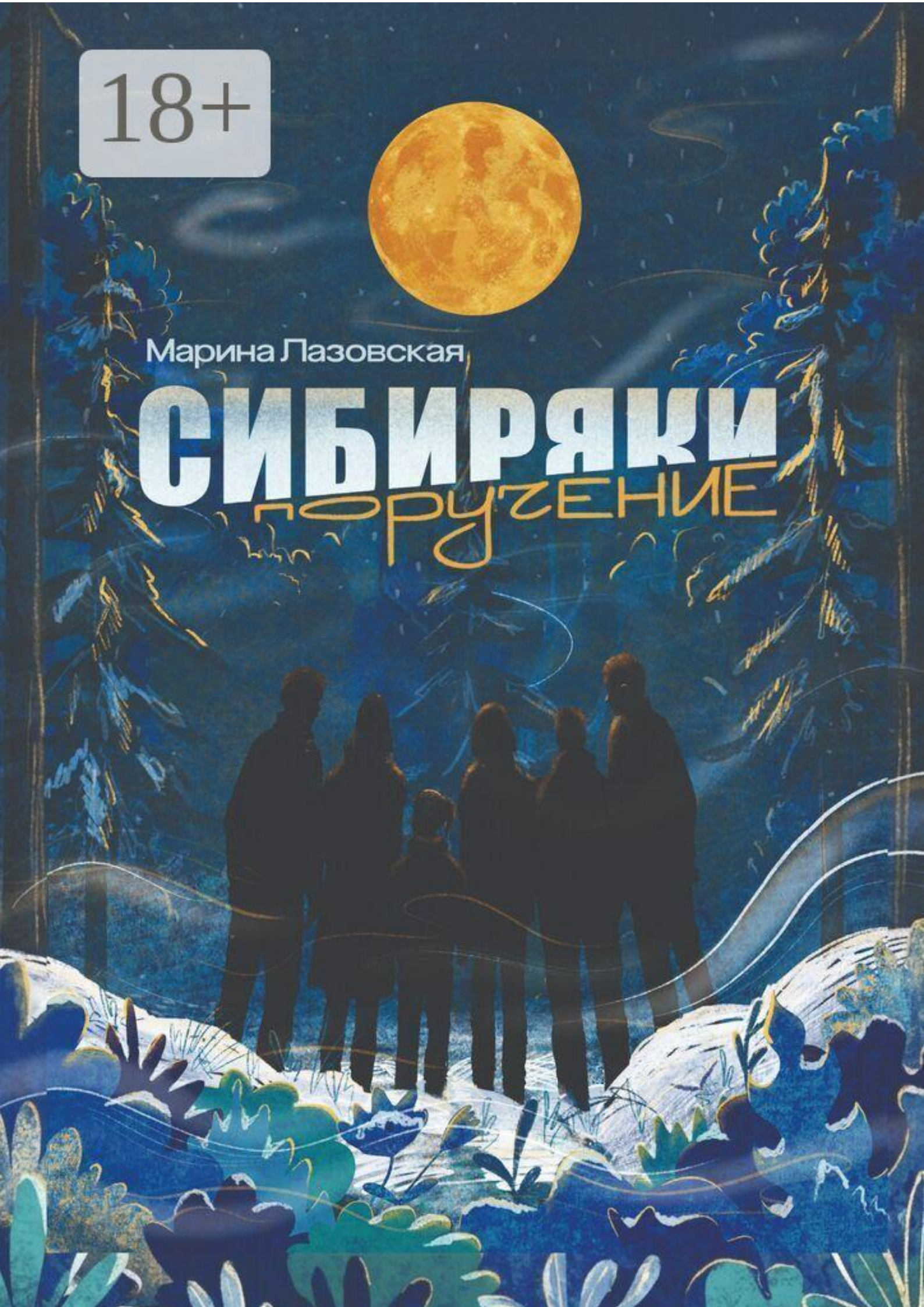

18+

Марина Лазовская

СИБИРЯКИ ПОРУЖЕНИЕ

Марина Лазовская

Сибиряки. Поручение

«Издательские решения»

Лазовская М.

Сибиряки. Поручение / М. Лазовская — «Издательские решения»,

Что делает обычных людей героями? Шестерым незнакомцам предстоит найти ответ, отправившись в опасное путешествие, от которого зависит будущее человечества. Испытания научат их доверять, поддерживать друг друга и не отступать даже тогда, когда кажется, что надежды нет. Это история о силе человеческого духа, обретённой семье и о том, что вместе мы способны изменить гораздо больше, чем думаем.

© Лазовская М.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1.	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	48
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сибиряки. Поручение

Марина Лазовская

Координатор проекта Дарья Лазовская

Иллюстратор Эрика Робертс

Иллюстратор Анастасия Бириллова

© Марина Лазовская, 2026

© Эрика Робертс, иллюстрации, 2026

© Анастасия Бириллова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-9602-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1.

На один шаг всегда есть силы

Глава 1

Очнувшись, он поднял голову и сразу застонал от резкой боли. В глазах потемнело, но он успел увидеть, что лежит на обломке крыла самолёта, едва заметно покачивающемся на песке.

Вокруг хаос: тлеющие вещи, кресла, бесформенные тела, низко стелется дымный воздух с едким запахом горелого пластика.

Он осторожно провёл ладонью по голове, увидел кровь. Попытка вспомнить последние минуты до чего-то, что разнесло самолёт, ничего не дала. Всё расплывалось. Осторожно соскользнув на песок, он не удержал равновесия и со стоном упал. Казалось, что внутри взорвалась граната. С большим трудом ему удалось восстановить дыхание. «Рёбра точно сломаны, — с трудом собирал он мысли, — как же хочется пить!»

Мелкими волнами набегают на берег вода, вынося всё больше обгорелого.

Голова болит адски, из уха подтекает кровь. Медленно поворачиваясь, он огляделся: справа и слева берег, сзади степь, впереди вода, и так до горизонта. Он попытался восстановить в памяти монитор с картой полёта, чтобы понять, где он, но опять накатила дурнота.

Мерцающее в лучах заходящего солнца марево поверхности воды и запах гари одурманивали. Он потерял сознание.

Пробуждение было ужасным. Вода вынесла тело, и его взгляд упёрся в то, что осталось от чьей-то головы. Инстинктивно отшатнувшись, он сделал слишком резкое движение, и тело опять взорвалось болью. Он лежал, пытался ровно дышать, чтобы не отключаться, и вдруг понял, что пальцы нащупали что-то мягкое в песке. Осторожно потянув, он понял, что это что-то... коленка, ступня, и они тёплые! Он повернулся на бок и стал копать вверх. Тело, руки и... остановился. Понял, что это ребёнок, и ему стало страшно от того, что он может увидеть вместо головы.

В руке есть пульс! Слабый, но есть! Он осторожно откопал голову, приподнял, очистил лицо от песка, приложил ухо к груди, потом расправил зачем-то одежду. Сердце слышно, дыхание слабое, но ровное.

Это была девочка. Та самая девчонка через проход, лет 9—10, он не разбирался в детях. Она сидела в огромных, в виде половинок апельсина наушниках и играла на планшете в игру. Только один раз она подняла на него глаза, он спонтанно улыбнулся и подмигнул. Она внимательно на него посмотрела и подмигнула полтора раза в ответ. Он рассмеялся и подумал, что у детей бывает чувство юмора. Теперь она лежит перед ним, живая-невредимая, но без сознания.

— Этого мне ещё не хватало, ребёнок, — прошелестел он пересохшим ртом.

Мысли путались, казалось, что они разбились в мозаику, а подходящий элемент, связывающий его с реальностью, каждый раз терялся.

— Нужна вода. Будь тут, — зачем-то сказал он неподвижному телу девочки.

Кое-как поднялся на ноги, пошатываясь, подошёл к кромке берега. Её наушники-апельсины прибились к искореженному креслу, их яркость резала глаза на фоне бурого хаоса. Рядом на поверхности воды распустились длинные светло-русые волосы. Волна открывает лицо — зелёные глаза в тёмном ободке застыли, словно зависшие в недоуменном ожидании.

— Девочка... это же её мать, — он с трудом наклонился.

На сломанной шее женщины он увидел подвеску в виде солнца с гравировкой. Протянул руку и одёрнул, когда волосы женщины коснулись его пальцев, а подвеска осталась в руке.

— «Mel», — прочитал он вслух, — надо отдать ребёнку.

Запихнул подвеску поглубже в карман джинсов. Попытался вытереть рубахой лицо, но она, вернее то, что от неё осталось, была пропитана кровью, заскорузла и противно воняла керосином.

Из-под кресла всплыла пластиковая бутылка, воды на одну треть. Схватив свой приз, он начал жадно пить. Голова закружилась, опять накатила дурнота.

— Ребёнок... вода.

Он забыл, откуда пришёл и где осталась девочка. Попытался вспомнить ориентиры, прошёл влево, ничего. Вернулся, увидел раскопанный им песок, но там было пусто.

Новый приступ дурноты подкосил ноги, он упал на колени. Обрывки воспоминаний, как сумбурная кинохроника, не давали уплыть сознанию. По лицу потекли слёзы, из горла вырывалось хрипкое короткое рыдание, его трясло. Он никогда не плакал, хотя поводов было не на одну жизнь.

У него не было детей, он никогда их не хотел и старался держаться подальше от дамочек, рассматривавших его как потенциального мужа и отца. Он знал, что хорош собой, соответствует всем и даже самым возжеленным стандартам, но его никогда не интересовало то, что может начаться после короткого приятного флирта. Вернее, он был слишком хорошо осведомлён, чтобы захотеть продолжения. «Привет, папа, тупой ты выродок. Вот всегда ты вовремя, больше мне сейчас и подумать не о чем, кроме как о том, чтобы не бросить где-то случайно твоё поганое наследство».

Почему эти мысли случились сейчас, когда он испугался пропажи нечаянно приобретённого ребёнка?

Он попытался её позвать, но в ответ получил только новый шквал боли. Кое-как встал, побрёл обратно, вошёл по пояс в воду, отогнал мусор и лёг навзничь, распластался, чтобы над водой был только нос, и постарался расслабиться. Это всегда помогало. Волны убаюкивали, даже голова немного успокоилась, вода попала в рот и... «Вот идиот! Вода пресная!»

Почему он решил, что это море, и не попробовал?! Мгновенно перевернувшись, он начал всасывать воду и глотать. Вода не хотела оставаться внутри, вырывалась фонтаном, но он пил, хотя ломота в голове уже затмила всяческий предел.

«Темнеет быстро, слишком быстро!» — успел подумать он, но это подступал очередной обморок. Вокруг него всё медленно вращалось и сливалось в непроглядную чёрную пустоту, где контрапунктом бился вопрос: «Девочка?» Ему показалось, что он услышал звук, шёпот, приглушённый вскрик?

— Эй! Ты где? — попытался позвать он, но голос сорвался, стал хрипом. Каждое движение отзывалось в теле, как обвал. Тишина. Вдруг — слабое, едва слышное, но отчётливое: «Идём...» — он повернул голову в сторону звука.

Девочка стояла рядом, у воды. Её силуэт расплывался и почти сливался с мелкой рябью волн. Она смотрела вдаль, туда, где ночь уже поглощала степь. Краем глаза он заметил мерцание, мигалки машин выглядели словно гирлянда, растянутая вдоль горизонта.

Девочка наклонилась, её лицо было спокойным, словно всё происходящее нисколько её не волновало и было частью какого-то известного только ей плана.

— Они нас найдут, — сказала она тихо, но уверенно, — и помогут.

Он хотел спросить, кто «они», но услышал лай. Громкий, хриплый, настойчивый. Измученное болью тело напряглось, когда из сумерек на него уставились десятки глаз. Собаки медленно, глухо рыча, приближались, обходили их по бокам, уже почти сомкнули круг.

Девочка нагнулась, взяла кусок трубы и, подняв руку, словно командуя невидимой армией, сказала:

— Постарайся.

Сил встать не было. В несколько приёмов он вытащил себя на берег, но накатила волна боли, и он с каким-то злорадным облегчением отдался тьме, поглотившей всё.

Было темно, когда спасатели прибыли на место катастрофы. Над водой летали вертолёты, шарили прожекторами. С катеров собирали выживших и тела, буксировали к берегу обломки самолёта.

Их увидели сразу: на кромке воды сидел ребёнок, одной рукой поддерживал голову мужчины, а другой яростно махал куском трубы, хотя вокруг никого не было. На подлёте пилоты видели большую стаю диких собак, убегающих в степь.

— Нашли на берегу двух выживших, — докладывал в рацию старший группы, — девочка лет десяти, без видимых повреждений, в шоке, дезориентирована, двигательна активна, вводим транквилизатор. Мужчина, от 30 до 40, открытая травма черепа, без сознания, пульс нитевидный, сломаны рёбра, интубируем, начинаем инфузию, грузим в вертолёт, готовьте операцию.

— Пульс падает, отошли все, один, два... разряд.

«Лампы едут. Бегут люди, говорят неразборчиво. Почему я здесь? Где девочка? Какая девочка? Удивлённые глаза женщины скрываются в облаке из волос и воды...»

...бип-бип-бип-би-и-и-ип...

«Где туннель? Так и знал, что это враньё. Я опять растворился, не чувствую ничего и одновременно каждый свой атом. Все они пульсируют болью, но не это самое жуткое. Я понимаю, что это вечность и так будет всегда...»

...бип-бип-бип...

— Кажется, он стабилен. Подержим его в коме и посмотрим, что покажет КТ в динамике. Говорят, из тех, кого нашли на берегу, в живых остались только эти двое, он и девочка. Хотя этого живым я бы не торопился называть...

«Ну что, доктор — молодец! Главное, не забудь это почаще при мне повторять, дубина ты циничная. Вас не учат в ваших медшколах, что коматозники слышат? Лучше что-нибудь мне по вене пустите, я хочу вас покинуть и опять посмотреть своё кино... о, поплыли, зна... девочка-девочка-девочка... что за девочка...»

Седьмой класс, отца опять «позвала дорога», вернее, выперли с работы за пьянку. Мать была беременна, и, чтобы не платить всем, кому были должны, они в один день собрались, долго ехали на перекладных и приткнулись в Казахстане, в саманном доме у тётки.

Новые одноклассники не додумались дразнить его за рост, как это было в других школах, просто не давали проходу, пока он не надраил табло самым ретивым.

Девочку звали Лена Майзингер. Она выписала его имя на нежно-голубой лист, закручивала цветными фломастерами узоры вокруг каждой буквы, любовалась и красиво, нараспев проговаривала «Мак-си-и-им».

Лена была на самом деле Хелен, из семьи немцев. Она была маленькая, особенно рядом с ним, обогнавшим всех ростом на два класса старше. Они сидели рядом, а когда солнце падало на её тонкие пальцы, они становились розовыми и прозрачными, как карамель. От её волос цвета тумана нежно и горько пахло ромашкой. Она со вздохом сказала, что её мама помешана на том, чтобы волосы не потемнели, и всегда моет их отваром ромашки. И конечно, он был по уши влюблён. Её хотелось защищать, но было не от кого, все, даже самые отбитые, её тоже любили.

...бип-бип-бип...

— Нет, ну ты представляешь?! Сам ни рожи, ни кожи, нищеврод, роллы заказать не может и туда же, говорит, что не представляет себя женатым. Типа я за ним бегаю!

— А ты типа не бегаешь? А кто бесился, когда он тебя морозил, лайки не ставил?

— Вот ты дрянь, больше ничего тебе не расскажу!

— И слава богу! Достала уже своим нытьём.

Медсёстры меняют капельницу, проверяют аппаратуру.

«Да заткнитесь вы уже. Я вообще-то тут и хочу вспоминать девочку... какую девочку? Мне надо вспомнить девочку...»

...бип-бип-бип...

— Ленка, сможешь меня сегодня подменить на вечернем обходе? Мой придурок созрел, поедем с родителями знакомиться. Алё, чё молчишь, а-у-у-у, с тобой говорю.

— Да погоди ты, он, кажется, шевельнулся... я за Борисычем!

«Вот сучка, придумывает, шевельнулся, ага, — это я постоянно шевелюсь: Юля, помоги, подстрахуй, Юля то да сё. Задрали!»

Медсестра разочарованно смотрит на пациента, нервно поправляет ему подушку.

— Показывай! — в палату заходит грузный врач, на помятом лице читается раздражение. Халат накинут на засаленный свитер с колтунами, на ногах белые мокасины, вогнутые внутрь запущенным плоскостопием. В палате запахло перегаром и дешёвым парфюмом, с которым Борисыч явно перестарался.

— Вот, — Лена испуганно смотрит на врача и показывает рукой на пациента с забинтованной головой. Выглядит он ужасно, впалые глаза с фиолетовыми ободками, щёки густо покрыты чёрной щетиной, на лбу швы. Увидишь такого, жить не захочешь.

— Что «вот»? — врач заорал в лицо медсестры, окропив её слюной.

Она вопрошающе смотрит на Юльку, пытаясь найти поддержку.

— Что «вот», Лен? Валерий Борисович, я сама не знаю, зачем она вас позвала, пациент без изменений.

— Ай-й-й, ну вас! — раздражённо говорит врач и, направляясь к выходу, поворачивается в дверном проёме. — Мне он уже поперёк горла. Уже несколько раз приходили, за него спрашивали. Может, он маньяк какой-то, чёрт пойми кто? Ой! — Врач упирается спиной, поворачивается, видит девочку. — Детка, сюда нельзя, ты что по больнице лазаешь? Разберитесь, что тут у вас происходит! — раздражённо бросил он медсёстрам.

— Валерий Борисович, а можно вас? — Юлька спешит за начальником, «вдруг получится отпроситься», и ловко проскакивает между дверным косяком и девочкой, та отшатнулась, схватилась рукой за распахнутую дверь.

— Малыш, не бойся, — Лена берёт девочку за руку и выводит из палаты. — Как тебя зовут? — медсестра наклоняется, нежно проводит рукой по её волосам, улыбается. Девочка молча отстраняется. — Стесняешься? Я Лена, — и тепло обнимает ребёнка, — это твой папа? — она показывает кивком на дверь палаты.

Лицо девочки исказилось, глаза мгновенно налились слезами. Она быстро замотала головой.

— Я... я... хотела поведать.

— А, я поняла. Ты с того самолёта? — медсестра понизила голос.

Девочка внезапно побледнела и отстранилась. Сразу стала суровой и отчуждённой. Эта мгновенная перемена вызвала у медсестры ощущение мороза по коже.

— Если вас не затруднит, позвольте мне пройти в палату. Это не займёт много времени, — чётко, ледяным тоном сказала девочка.

«Ни фиги себе! Никогда не слышала, чтобы дети так разговаривали, ребёнок же совсем!»

Медсестра стушевалась, засуетилась, удивилась своей реакции, разозлилась, но всё-таки открыла дверь и придержала, пока девочка проходила. Скорее из любопытства, чем от раздражения сказала:

— Это интенсивная терапия, сюда никого не пускают, кроме близких родственников, мне нужно записать твоё имя и фамилию.

Девочка остановилась, развернулась и посмотрела ей прямо в глаза. От этого взгляда Лена почувствовала, как съёжилась, будто они поменялись с девочкой ростом и теперь она стояла и смотрела вверх.

— Это совершенно не важно. Напишите сами, что хотите. Мне нужно всего на пару минут остаться наедине с вашим пациентом.

«Да что за чертовщина-то!» — подумала медсестра, такое ощущение, что с ней говорит начальство, а не эта полупрозрачная худышка в казённой пижаме не по размеру. Но из палаты вышла.

«Рассказать кому, не поверят. Да и кому рассказывать, уж точно не этой одноклеточной Юльке. Тоска беспроектная. Что это такое со мной творится, что даже дети не воспринимают меня всерьёз?»

В сестринской она машинально взяла из шкафа пакет чипсов. Бессильно ругнулась, наливая в кружку холодный кофе, который Юлька опять забыла вернуть на мармит кофеварки. Вышла в коридор, села за стойку поста, открыла папку с историей болезни «Неизвестный» и в графе «посетители» с каким-то мстительным удовольствием написала «Дейнерис Таргариен».

Посмотрела, хихикнула, а что, девчонка-то вылитая Мать драконов — малявка с огромными глазами цвета морской волны и железной хваткой. А потом рассмеялась так громко, что сама испугалась и оглянулась по сторонам, а ведь неизвестный мужчина-то вылитый Кхал Дрого — брюнет, огромный, мускулистый и... Не раз за этот месяц они, не робкого десятка бабёнки, меняя ему катетер и простыни, не краснея, шутили, что с такой амуницией ему бы не оwoщем на грядке лежать, а скакать по прериям. Слух моментально разнёсся среди женского персонала, и им приходилось следить, чтобы во время процедур в палату «случайно» не заходили за какой-то надобностью медсестры из других отделений.

Она тихонько посмеялась, ну хоть что-то хорошее сегодня произошло. Классный парень. Жаль будет, если не срастётся у него с жизнью. Хотя, судя по застарелым шрамам и следам ожогов, ему уже и так досталось немало.

...бип-бип-бип...

Тягучие, как горячий гудрон, клочья тьмы становятся реже. Он уже знает, что так заканчивается действие обезболивающих. Обычно они наслаивались на едкое и вкрадчивое, неумолимо отвратительное, как пересоленная пища, возвращение кувалд в голову. Но сейчас было по-другому. Пульсирующая тьма становилась светлее, сознание возвращалось не как обычно, через мысли, а через ощущения и — ба-ба-а-х. Вдруг всё встало на место, полностью стерев воспоминание, что было как-то по-другому. Он снова всё чувствовал. Это было так нормально и естественно, а то, что было между, мгновенно угасло.

Но следующее чувство вызвало шок — нервы приняли волну боли от истерзанного тела. Горело и выло всё, куда вторгались трубками и инструментами. Защищенная селезёнка, сломанные рёбра, порванные мышцы, проломленный череп — все и сразу прорвались к микрофону сознания со своими жалобами, и не было ничего, кроме огня боли. Всё это длилось пару секунд.

«Возвращение смерти подобно», — успел подумать он, прежде чем провалился в спасительный обморок.

«...Забиндер пасует в штрафную площадь, перехват, ошибка в атаке...» Она уставилась в телефон, пальцы нервно подрагивают на экране. Сообщение не прочитано. Толика всё нет, а он всегда отвечал быстро.

Футбол идёт, картошка остывает. Хотели посидеть вместе, а теперь незаметно подкралась тревога, цепляя разум, как крючок.

«Где же ты?» Она нажала на аватарку мужа. Фото из Геленджика, Максик ещё малыш. Толик не хотел фотографироваться, но она уговорила. Она улыбнулась воспоминанию, но её тут же накрыло. Опять захотелось курить.

Трансляция матча прервалась экстренными новостями.

«...По предварительным данным, взрыв автобуса в центре города...»

Слова диктора стучали в голове. Всё казалось нереальным, как кадры фильма: изуродованные машины, дым, пожарные, полиция, скорые.

«Взрывное устройство унесло жизни наших соотечественников... Телефон горячей линии...»

Голос затих. Она оцепенела, глядя в экран, как в пустоту. Инстинктивно бросилась к сыну, проверила, что он спит. В ванной увидела в зеркале своё лицо: чужое, постаревшее, испуганное. Жадно напилась воды прямо из-под крана, набрала номер. Ответили сразу.

Дождь хлещет по стеклу. Она проревела на кухне всю ночь. В глазах песок, во рту горечь от никотина. Ещё темно, но нужно собираться. Пойти попросить соседку присмотреть за сыном. Она замерла у зеркала, чувствуя, как пробивается через шум мыслей: «Соберись. Ты вывезешь. Ты вывезешь».

Холодный воздух немного оживил. Ходьба возвращала силы. Она любила начало холодов, прохожие с их зонтами казались декорациями, и это помогало чувствовать себя невидимкой. Купив пачку сигарет, она спряталась под навес киоска, прикурила. Оранжевый огонь, жёлтый фильтр, аромат табака. Она вышла, подняла лицо к дождю, горячие слёзы смешались с холодными каплями — осязаемое ощущение отчаяния.

«Я заснула, что ли?! Этого ещё не хватало! — Медсестра очнулась за стойкой поста. — Чё-эрт, как хочется курить».

Сжимая зажигалку в кармане штанов, она представила, как рванула бы по коридору — один, второй лестничный пролёт, на крышу, на ходу доставая сигарету. Почему первая затяжка на сыром холодном воздухе имеет вкус арбуза? Удивительное свойство, когда долго терпишь, потом всё как в первый раз и точно вкуснее. Она сглотнула и вздрогнула от предвкушения. Но заменить её некому, Борисыч, падкий на лесть, отпустил напарницу. Сиди теперь и терпи.

Кажется, вечернего обхода сегодня не будет. В ПИТе всего один пациент, и она сама недавно облажалась, когда решила, что Борисыч тот человек, которому есть дело до других.

Неизвестный «Дрого» — она опять хихикнула — пациент с его точки зрения никудашный. Ни родственников, заглядывающих в глаза, ни конвертов, только один напряг от разных «служб», пытающихся установить его личность.

«Позвонить в ординаторскую? Не буду звонить, раз не пришёл, значит не пришёл, нафиг второй раз нарываться. Но курить-то хочется, что ж делать? По закону подлости кто-нибудь припрётся и увидит пустой пост. Уволить не уволят, работать некому, а вот премии запросто лишат».

Девочка! Как она могла забыть? Господи, а времени-то сколько прошло?

Опять пробежал мороз по спине, что за наваждение? Она рванула к палате и вдруг осознала что-то ещё более страшное, от чего противно ухнуло в животе. Её слух медсестры реанимационного отделения, натренированный на «бип-бип», ничего не слышит. И она даже не могла предположить, насколько давно.

«Всё. Мне триндец. Стоп. Куда теперь торопиться? Надо успокоиться и обдумать план отмазов. Видимо, я заснула и сон про Толика увидела. Вот и сон в руку, бли-ин... но как я могла не понять, что спала?! Такое было, только когда сын был маленький и я спала урывками, путая сон с явью, и тогда, когда...»

Но об этом она старалась забыть. Это был её персональный хоррор. Два года назад, в это самое время, гибель любимого мужа застала её врасплох и зашвырнула на самое дно ямы отвращения к жизни, где водка была самым меньшим из зол. Она до сих пор расплачивается за это частичной опекой над сыном и необходимостью заискивать перед этой «доброй, милой» женщиной, свекровью.

«Так, соберись. Ты вывезешь. Ты вывезешь...» — эта мантра помогает всегда.

Медсестра решительно открыла дверь. В палате тихо и темно. Лампочки на аппаратах горят жёлтым и зелёным. На мокром стекле окна красивыми зигзагами отражается свет из окон второго корпуса. Верхние лампы выключены. Света с поста не хватает, чтобы что-то разглядеть, но она оттягивает момент нажать выключатель и увидеть тело.

«Эй, ну ты чего? Ты здесь уже столько работаешь, мало, что ли, смерти видела?»

Но этот пациент был какой-то особенный. Немыслимое сочетание силы и беспомощности. И ещё: было в нём что-то неуловимо знакомое.

Она зажмурилась и нажала клавишу выключателя. В палате только он. Один. Живой. Смотрит прямо на неё, щурится то ли от света, то ли от боли, а в глазах веселье.

— Привет, Ленка! А я тебя сразу узнал, по запаху. Ты всё ещё моешь волосы ромашкой?

— Вы... ты... Макс, это ты?!

Голос сорвался, накрыла волна чувств. Она сделала шаг, потом второй, словно сомневаясь, а затем бросилась к нему. Забыла, что он пациент, что целый месяц она ухаживала за ним, обхватила за плечи и горько заплакала, как будто внутри открылись шлюзы, чтобы оживить и её тоже.

— Макс, родной... как же так... если бы я знала... — слова тонули в рыданиях.

— Ленка... ну чего ты? Ты мне опять рёбра сломаешь, — он старался не дышать, осторожно поглаживая её по спине.

— Как... как ты мог? — она судорожно вздохнула, слёзы текли по лицу. — А если бы ты умер, а я так и не узнала, что это ты... Как ты мог, Макс, как?

Он держал её в кольце рук, вдыхал запах волос, и казалось, что они не расставались. Что не было ничего между десятым классом и сейчас. Те же тонкие пальцы вцепились ему в плечи, те же слёзы. И снова ему больно и страшно от того, что ей опять будет больно из-за него.

«Эх, Ленка, Ленка, за что тебе такое! А мне за что?» — подумал он, часто заморгал, почувствовав, что его слёзы тоже на подходе.

— Ленка, слышь, я пока того, не очень связно соображаю, но точно знаю, что если сейчас не покурю, то и незачем было возвращаться, — у тебя есть чё?

Она замерла. Отстранилась.

— Ты что, совсем? Сейчас? Здесь?

— Лен, — он коротко и болезненно засмеялся, — ну ты и дурында. Дурманов вы в меня зафигачили достаточно. Я про сигу. Есть?

От этого детского слова они оба рассмеялись, как раньше.

— Опять одну пополам? У кого с фильтром — тот лох?

Лена помогла ему пересест в кресло-каталку. Боль отзывалась глухими стонами, но её опытные руки сделали всё ловко. Прихватив одеяло, они направились к лифту.

На крыше пахло ветреной сыростью приближающейся осени. Прикрывшись полкой халата, она прикурила две сигареты.

— Ну, рассказывай, как там, на том свете?

Он взял сигарету, затянулся, зажмурился и широко улыбнулся.

— О, да-а, так лучше. Хорошо вернуться. Никак. Никакого туннеля, никакого света. Одни фигуры в голубом... и те злые, — он подмигнул, — нет там ничего. Если бы видел, рассказал, честно.

Хелен подаётся вперёд, с интересом рассматривая друга, пытаюсь уловить лукавство в глазах.

— Врёшь, глаза, вон, весёлые!

Глаза и правда его. Искрящиеся, словно не было этих лет и того, как сильно они изменились. Тот ли это Макс, которого она помнит? А она сама кто? Его Ленка? Или медсестра из ПИТа?

Она смотрит на часы.

— Макс, нам пора. Мне страшно влетит, если увидят пост пустой. Не хочу премию профукать, позже к тебе зайду.

Спускались на лифте молча, потом заговорили одновременно, как это бывало с ними раньше:

— Слушай, Ма...

— Слушай, Лен...

— Нет, давай ты первый!

— Я не уверен, это могло быть в моих трипах. Мне показалось, или ко мне приходила какая-то девочка? Маленькая, странная, рассказывала какие-то немыслимые вещи. Но, наверное, мне померещилось.

— Подожди, — Лена подалась вперёд, — она была тут! Видимо, это она отключила мониторы. Ты был без сознания, а потом очнулся. Я говорила с ней, но дальше — провал, вырубилась, ничего не помню... кто она?

— Мистика какая-то! — опять сказали они в один голос.

Ещё одна дверь, и они в отделении. В коридоре пусто и тихо. Она помогла ему пересестись из кресла на кровать, хлопотала, устраивая удобнее.

— Лен, остановись на минутку, мне нужно тебя кое о чём попросить, — тяжёлый вздох, смотрит прямо, глаза добрые и одновременно строгие.

Она замерла.

— Не говори никому, что мы знакомы и как меня зовут.

— Что? Почему? — она нахмурилась. — Ты скрываешься? От кого? Почему? Что ты сделал?

Его лицо стало серьёзным, он поморщился.

— Не части. Подожди, мне сначала надо кое-что обдумать. Возможно, ты сможешь мне помочь. Пока просто поверь. Я объясню. Не сейчас, но скоро. Это важно. Очень важно.

Она хотела возразить, но кивнула, почувствовав, что это действительно что-то очень серьёзное.

— Хорошо. Но ты мне потом всё расскажешь. Всё-всё. И про девочку тоже. Давай, великий конспиратор, отдыхай, набирайся сил, я позже зайду, проведу.

— Алё? Да, да, хорошо, сейчас...

Евгения Игоревна Калинина, начмед больницы, нашла на столе нужную папку. Подошла к зеркалу, поправила волосы, деланно улыбнулась. Достала из сумки патрончик помады и сделала всё, что обычно делают женщины, направляясь в сторону возможного флирта.

«И почему я всё ещё стараюсь? — подумала она. — Это же Сергей Петрович».

— Сергей Петрович, можно?

— Да, присаживайтесь. Принесли?

— Да, вот.

Она достала из папки и подала ему документы. Он даже не взглянул на неё, сосредоточенно рассматривая бумаги.

Главврач, Сергей Петрович Труфанов, был почти ровесником, но его должность и загадочный бэкграунд «бывшего чекиста» добавляли ему солидности. Назначен он был недавно, слух прошёл, что неженатый, и дамы взбодрились.

— По неизвестному всё так же?

— Да, пока без изменений.

— Пора определяться с девочкой. Месяц прошёл, мы не можем её дальше содержать в госпитале.

Женя почувствовала, как её мерзковато затошнило: «содержать», в «госпитале». Чурка казённая.

— Девочкой так никто и не интересовался? Что о ней известно?

— Лет 9—10 на вид. Ни одной царапины. Был шок, обезвоживание, но сейчас физически в порядке. Замкнута, общается только по необходимости.

Женя сжала папку: «Говорить ему или нет? Кто его знает, как он отреагирует».

Вчера она попросила медсестру привести девочку в кабинет. Она молча села на стул, поправила сползший воротник пижамы, сложила худенькие руки на коленях и посмотрела прямо на Женю. Что за глаза! Почти бирюзовые, как будто линзы, никогда таких не видела. Красавица, только выражение лица — суровое, сосредоточенное, совсем не подходит ребёнку.

— Детка, может быть, ты что-то вспомнила? Как тебя зовут, откуда ты?

— Я и так всё помнила.

От неожиданности Женя подалась вперёд.

— Как? А почему молчишь?

— Не хочу говорить.

— Послушай. Ты маленькая и не понимаешь последствий. Это не игра, скоро нам придётся передать тебя в детский дом.

— Я знаю.

Женя обошла стол, подвинула стул и села рядом с ней.

— Детка, ты не понимаешь. Судя по тому, что твой самолёт летел из Токио в Москву, ты понятия не имеешь, что это такое — детский дом в глубинке. Ты не понимаешь, куда попадёшь! — её голос дрогнул. — Тебе сложно представить, что это за место.

— Это не важно, — спокойным голосом ответила девочка.

Женя встала, отошла к окну, чтобы унять дрожащие губы. На должности начмеда областной больницы чего только ни увидишь. Область живёт скудно, детей-беглецов предостаточно, но даже они после осмотра возвращались домой к родителям, которых надо было бы уже давно посадить за всё, что они делали и не делали с детьми. Но такое она видела впервые. Или это последствия шока?

— Может, передумаешь, скажешь, кто ты?

— Нет. Пытать же вы меня не будете?

Это могло бы быть сарказмом, если бы не её глаза. Она по-взрослому смотрела на Женю, ожидая ответа.

— Не говори глупости, — она не заметила, как перешла с покровительственного тона, — что будем делать?

— Делайте всё, что положено. Меня некому искать.

Женя решила схитрить:

— Тебя нашли вместе с мужчиной, разве это не твой отец? Он пока в коме, но надежда есть.

— Я повторю: меня некому искать.

Сейчас Женя решала: говорить об этом разговоре главврачу или нет. Что-то её останавливало. Он мог подумать, что это психиатрия, и отправить девочку в интернат для психохроников. На такой ад она не обрела бы самого лютого врага.

— Ладно, тогда вызывайте сотрудника социальной службы. Пусть забирают.

— Сергей Петрович, а что если...

— Что, если? Ни сынов, ни дочерей полка в госпитале не будет. Делайте, что положено.

Его тон был жёстким, но для Жени он был ответом на её сомнения: «Хорошо, что ничего ему не сказала. У него милосердие — ненужная роскошь».

Ей стало легче. Его брачные акции упали до обесценивания. Не надо больше ничего изображать. Нарциссами она сыта по горло, тем более железными.

Облегчение придало ей смелости и ироничности.

— Есть! Я могу идти? — она встала и вскинула руку к голове.

Он замер, первый раз поднял на неё глаза, в них было замешательство. Буркнул «не паясничайте, вы на службе» и взял телефонную трубку.

«Ну и ладно, теперь я сама приму решение, и плевать, что будет».

Пока она возвращалась в кабинет, в её голове зрел план: «Надя из опеки давно просилась в наш профилакторий. Уговорю её, пусть временно, по-тихому запишет девочку на меня. А Света из соцслужбы точно поможет — узнает без лишней огласки, может быть, есть хорошая семья, чтобы пристроить эту упавшую с неба девчонку. Или... Взять её себе? — эту мысль Женя отмела сразу. — Слишком больно. Привыкну же, девочка явно из хорошей семьи, рано или поздно найдётся родня. Но всё же?.. Нет, слишком больно».

Глава 2

2125 год.

...Агент М:

— Мы нашли 22 носителя, подходящих для нашей миссии. Семнадцать стационарных, они находятся вместе, и пять разрозненных. Они не знают друг друга.

Координатор:

— Секунду. Загружаю информацию. Это осложнение. Если в процессе сбора с ними что-то случится, у нас не будет запаса, а это прямая угроза миссии. Мы не можем так рисковать, это наш последний шанс, вы же это понимаете? Коллеги, у кого есть предложения по страховке проекта?

Агент I:

— Предлагаю выделить из нас кураторов и внедрить их в группу в виде «случайностей». Технически это возможно.

Агент М:

— Это было первое, что мы обдумывали. Аргумент против: в процессе доставки себя до пункта назначения разрозненные носители должны активировать в себе важные для миссии качества. Мы не можем ограждать их от трудностей. Риск есть, мы это понимаем.

Агент К:

— Предлагаю открыть им смысл миссии.

...ропот из всех динамиков...

Координатор:

— Как вы себе это представляете? Они и так будут находиться в уязвимом в отношении их личной истории положении. А мы им скажем, что это план из будущего и они часть миссии по спасению цивилизации? Они могут пойти в разнос. Конспирологов, верящих в мировое правительство рептилоидов, среди них нет, но мы же понимаем, как эта грань тонка. Им предстоят испытания, психика будет рационализировать происходящее, чтобы вернуть контроль и снизить стресс от неопределённости.

Агент R:

— Судя по досье пятерых, они ребята крепкие. Почитайте, что происходило с ними в детстве и юности. Может быть, нам инициировать что-то такое, какой-то прецедент, чтобы они быстрее находили друг друга? Создать ядро и собрать их вокруг Девочки — носителя информации. Она — центральное звено, определяющее функционал миссии, к тому же у неё есть Куратор.

Аргументы: вместе они будут лучше справляться с трансфером в точку сбора. Легче, если такое слово уместно, переживут слом привычного сценария их жизни. Вы же понимаете, что, не зная конечной цели миссии, всё происходящее для них — шок.

...из динамиков:

— Согласен... Согласны... Мы тоже согласны...

Агент В:

— Как справляются с этой задачей коллеги в других странах?

Координатор:

— Мы не обмениваемся информацией. Это не имеет смысла по нескольким причинам: их опыт не применим в наших условиях и не подходит для менталитета наших носителей.

Мы решили действовать отдельно, чтобы не терять время в проверках версий и ненужных экспериментах. К тому же такую большую группу, как наша, удалось собрать только из генома русскоговорящих, причём рождённых в одном регионе — в Сибири. Пока мы не выяснили, почему это так. Но есть гипотеза, скорее, уверенная догадка, что это связано с исторической изолированностью. У них не было возможности собрать столько мутаций, как у жителей Европы и американских континентов. В других странах нашлось от двух до десяти подходящих носителей. Теперь понимаете, какая ответственность лежит на нас? Мы не можем потерять ни одного из них.

Агент I:

— Предлагаю собрать их небольшими группами, по два человека. Инициировать события так, чтобы они двигались в нужном направлении. Для страховки выделим группе агента-куратора в виде «случайной удачи», но только если в этом будет экстремальная необходимость. Согласен с Агентом R: создадим надёжное ядро вокруг Девочки — носителя информации. Этих особенных детей готовят ещё до рождения, у неё идеальные генетические маркеры. И запустим, наконец, процесс, замечу, что сроки уже на пределе.

Координатор:

— Нам и так невероятно повезло, что у нас есть этот шанс. Какая ирония: технический прогресс нас почти погубил, а древность дала шанс на спасение.

...из динамиков:

— Слава Немыслимому!

Агент О:

— Коллеги, я понимаю щекотливость предложения. Но мы в таком положении, что обязаны рассмотреть все варианты. Можно сейчас забрать то, что есть в наличии у этих двадцати двух. Материал доставить и распространить. А остальное пусть идёт как идёт. Время этики, морали и нравственности, может быть, когда-нибудь вернётся, но сейчас нам нужно постараться сохранить человечество, проанализировать ошибки и больше никогда и ничего не пускать на самотёк. Так будет меньше риска.

...из динамиков: молчание

Координатор:

— Я не буду интерпретировать общее молчание ни как знак согласия, ни как шок от предложения Агента О. Мы и так слишком доверились технологиям, расслабились и оказались на грани гибели. Предлагаю принять решение: вариант Агента I я вижу как самый реалистичный, детали разработаем. Кто «за» — прошу голосовать.

...из динамиков:

— За...

— Согласен...

— За...

Координатор:

— Единогласно. Благодарю вас, коллеги. Приступаем, и да поможет нам Немыслимый.

Глава 3

— Аркашка! Аркашка! Эй! Привет!

Чья-то хватка на локте. Он мгновенно втянул голову в плечи. Сильно напрягся, но почти сразу обомлел, как перед обмороком. Хотелось бежать, не оглядываясь, но он заставил себя обернуться.

— Точно, ты! Сколько лет-то прошло! А я думаю: он, не он?

— Здравствуйте, мы знакомы? — предательская кровь мгновенно прилила к лицу, и оно стало пунцовым.

— Ты чего? Ты же Аркашка... фамилию не помню! Не делай вид, важный какой, я же вижу, что это ты!

— Простите, видимо, вы ошиблись, я вас не знаю. Уберите, пожалуйста, руку.

— Вот гад, зазнался, было бы с чего, соплежуй недоделанный...

Он развернулся и сначала медленно, а затем всё быстрее стал пробираться по забитому людьми перрону. Только бы успеть затеряться и уйти подальше от этого придурка Витьки Юрченко.

Конечно, он его узнал. Сколько он ни пытался забыть своё детство — память-сексотка, годами таится, делает вид «всё-всё, забыто», а потом вот так, на ровном месте и сразу под дых. В прямом смысле слова. Стало трудно дышать, воздух не хотел покидать грудь, закружилась голова. Ещё эта жара и сутолока, хорошо бы присесть, но где-то сзади Витька... надо достать спре...

— Мужчина!.. Мужчина!.. Женщина, подвиньтесь, дайте мужчине присесть, видите, ему плохо... я не буду сейчас с вами это обсуждать, просто уберите свои сумки со скамейки... Да, я врач, а вы кто? Совсем очерствели? А если бы с вами...

В мареве приступа он слышал уверенный женский голос. Чувствовал, как она обхватила его и пытается удержать. «Тощая, а сильная... как приятно... Вот бы сейчас умереть, но не от стыда, как предполагалось, а просто, было бы не жалко».

Он почувствовал, что может сесть, — «она отвоевала скамейку», — и... спасительная мгла... сопло спрея во рту, вдох... «Как же стучит в голове, шее, как будто внутри меня колокольня...»

— Здравствуйте, транспортная полиция, старший лейтенант Дудкин. Что у вас произошло? Гражданину нужна помощь?

«Что за времена настали! Один человек помог другому, а его подозревают в злом умысле».

Хотелось всё объяснить и слишком активной женщине на скамейке, и полицейским, но он понимал, что это может произвести противоположный эффект. Органы есть органы, а людей уже не переделаешь.

Пока длилась процедура проверки документов, он краем глаза рассматривал свою спасительницу. Не сказать, что красавица, но есть что-то такое в ней притягательное, а, понял — глаза! Большие и очень светлые, с чёрным ободком. Такое впечатление, что она смотрит и на тебя, и в никуда одновременно, странный эффект, завораживающий.

«Зоя Александровна Завельская. Как звучит-то! Чем-то стародавним, аристократическим повеяло, а ведь точно, род Завельских — это же... так, началось. Выключаем вики-режим, надо сосредоточиться на происходящем. Она, конечно, сейчас встанет и уйдёт. Как бы её удержать, отблагодарить... Надо решаться сейчас, иначе момент будет упущен».

— Зоя, простите, но теперь я знаю, как вас зовут, и очень вам благодарен, правда. Не знаю, что на меня нашло, обычно я хорошо контролирую приступы. Могу я вам предложить посидеть где-то вместе, отметить моё чудесное спасение? — сказал он почти скороговоркой.

«Фух, сказал!» Что-то в ней его притягивало. Такое странное чувство — тяги и настороженности. Он не верил ни в чудеса, ни в случайности, но хотел понять — что это такое сегодня было? Сначала садист Витька, потом она — как из мёртвой воды в живую. Как из прошлого в будущее. «Размечтался, дурень, — осадил он себя, — романтик несчастный».

«Так. Кажется, нашла. Вон тот, на вид лет 40. Одет просто, но очки модные. Рыжеватый, кожа белая.

С виду спокойный, но что-то в нём есть неуловимое, уязвимость какая-то в нём точно есть».

У Зои был безошибочный нюх на не уверенных в себе людей. Она просчитывала мужчин на раз-два, поэтому не страдала от морально-нравственных дилемм, используя их на охоте в качестве добычи.

«Надо последить за ним ещё. Лишь бы не встречающий. Хотя кто кого сейчас встречает, особенно на пригородных направлениях. Из вещей у него только портфель на ремне, сразу видно, ботан». Кредитка и телефон много места не занимают, а это именно то, что ей от него нужно.

Она перешла в режим «стелс» — поправила бейсболку, чтобы козырёк скрывал лицо, положила в карман рубахи тёмные очки и взяла курс на гражданина. Встроилась в ритм его движения, метрах в трёх сзади, теперь она его тень.

Внезапно её подрезал какой-то тип. Ринулся к объекту, догнал, схватил за локоть и начал что-то говорить. Зоя было взбесилась, но быстро взяла себя в руки, осторожно приблизилась, чтобы послушать.

«Что?! Аркашка-соплежуй?!» Ей даже стало как-то обидно за свою добычу.

Она обошла их, притормозила перед табло с расписанием и стала наблюдать. Теперь понятно, что выбор она сделала правильный. Объект хоть и вышел из контакта с нахалом, но, скорее, сбежал. Значит, теперь он ещё более уязвимый, чем прежде. Это будет лёгкая добыча.

Он двигался на спринтерской скорости, но недолго. Вскоре значительно замедлился, а потом и вовсе шаг стал неровный. Он держался за грудь.

«Этого ещё не хватало! Неужели сорвётся? У него что, сердечный приступ? Паничка? Тяжело как дышит».

Зоя сама не поняла, как одним прыжком оказалась рядом. Подхватила его, вступила в короткую перепалку с тёткой за кусок скамейки. Усадила, но портфель бдительно поставила между ним и собой. Вокзал всё-таки, и не она одна тут охотится.

Пока усаживала, быстро произвела разведку — телефон, портмоне с картами и документами, всё при нём. Во внутреннем кармане пиджака пальцы наткнулись на баллончик.

«А, так он астматик!» — она уверенно встряхнула спрей, нажала ему на щёки, вставила сопло в рот, нажала кнопку.

Но дальше случилось странное. Вместо того чтобы взять что нужно и быстро смыться, она осталась. Не поднимая головы и не поворачиваясь, велела тётке заткнуться и осталась ждать, когда препарат подействует. Всё ещё внутренне недоумевая, она быстро себе объяснила, что мегаглупо сейчас его обчищать. Как бы то ни было, камеры суету засекли. Но стать объектом охоты для транспортной полиции, которая работала всё лучше и азартнее, желания не было никакого.

«Посмотрим, куда этот вираж вывезет». Непонятная фигня, ей почему-то хотелось его защитить. Уж если её ударило обидное прозвище, теперь очевидно, как это выбило его. «Он явно узнал этого хама, но что с ним не так?» Зоя всегда была любопытной, в этом было много преимуществ, но и подставы тоже были.

«Ага, ну вот. Не заставили себя долго ждать. Надо было валить, блин, ну что за дура! Но нет, поздно, они уже меня сфокусировали».

— Здравствуйте, транспортная полиция, старший лейтенант Дудкин. Что у вас произошло? Гражданину нужна помощь?

Гражданин только начал приходить в себя, понемногу выравнивалось дыхание. Он сидел, подавшись вперёд, упираясь прямыми руками в колени.

— ...Кажется, у меня был приступ, астма, — хрипло сказал он.

— Вам нужна помощь? Вызвать скорую?

— Нет, спасибо, мне уже лучше... кажется, мне кто-то помог...

— Я всё видела! Вот эта девушка хлопотала возле него. Уж такая внимательная, куда там! Вы бы у неё документики-то проверили! — подала голос женщина на скамейке.

«Вот мразь, ну что за народ гнилой, надо было ей вылезти!»

Зоя незаметно глубоко вдохнула, расслабила лицо, как бы невзначай потрогала лоб, подняла козырёк бейсболки, и на полицейских взглянула скромно улыбающаяся девушка лет двадцати пяти:

— У мамы была астма. Я действовала не думая.

— Ага, не думала она! Командовала тут, грубила, вы бы проверили, на всякий случай! — не унималась активистка.

— Гражданка, мы сами разберёмся. Девушка, вы вместе путешествуете? Можно ваши документы? И ваши, гражданин. Проверьте, пожалуйста, всё ли на месте.

Зоя выдохнула и порадовалась своим инстинктам. Хороша бы она была сейчас, если бы не удержалась и воспользовалась ситуацией. А тётка на опыте, чуйку имеет. Но всё-таки дрянь, совсем ничего людского не осталось.

Она вынула из заднего кармана джинсов водительские права и подвинулась так, чтобы лишить тётку обзора из первого ряда партера. Пока проверяли документы, она невзначай рассматривала свой несостоявшийся гешефт. То ли приступ его состарил, то ли она ошиблась при пристрелке. Ему скорее под полтос. Выглядит как крепкий, но на самом деле это непропорционально большая грудная клетка, видимо, астма у него давно. В чём она не ошиблась, так это в том, что он «терпила по жизни», хоть и научился это скрывать, держится перед ментами спокойно, без суеты.

«Что? Семён Андреевич Ремезов? Всё чудесатее и интереснее — эй, подруга, держи себя в руках! Хочешь в следователя поиграть? Выяснить, как „Аркашка“ превратился в Семёна? Давай уже, хватит на сегодня приключений, сейчас потопаем отсюда, пока отпускают. Хотя в базе меня нет, волноваться не о чем. Но всё-таки? — Зоя почувствовала азарт. — Зоя. Хватит. Разошлись. Не надо нам никаких продолжений». Но любопытство не унималось. Ей уже не хотелось его ни обчищать, ни морочить, ни разводить. «Да что ж такое-то? Кто кого должен был сделать?!»

Она очень хотела узнать секрет этого случайного человека. Это была её страсть — разгадывать загадки, распутывать тайны. Как только она брала след, её уже было не остановить, точно как охотничья собака. Сколько себя помнила, всё время её любопытный нос куда-то влезал, что-то вынюхивал, до чего-то докапывался. Как-то так был устроен её мозг, что она видела связи — прямые дороги с указателями там, где их не видели другие.

Полицейские удалились. Объект понемногу пришёл в себя, вдохнул ещё раз из баллончика, посмотрел на счётчик в окошке и выбросил его в урну.

Зоя спонтанно протянула ему руку:

— Ну что ж. Помощь вам больше не нужна, берегите теперь себя. Поезд-то пропустили, наверное?

— Поезд пропустил, да... Зоя, простите, но теперь я знаю, как вас зовут, я вам очень благодарен, правда. Не знаю, что на меня нашло, обычно я хорошо контролирую приступы. Могу я вам предложить посидеть где-то вместе, отметить моё чудесное спасение?

— Ага, вы теперь ещё побегите поженитесь, голубки. Прямо Голливуд, да и только!

Они синхронно обернулись и посмотрели на тётку, о которой совершенно забыли. Но она желала продолжения этого спектакля с правом комментатора — нечасто такое случается. Увидев их изумлённые лица, она поперхнулась и стала что-то перебирать в своих клунках.

Глава 4

...яркая, как сигнал тревоги, пульсация боли. Определить, что конкретно болит, невозможно...

...часы над дверью с едва различимыми стрелками шумно отсчитывают каждую секунду, продлевая ночную муку...

...девочка трогает его за руку, он хочет встать, но не может пошевелиться...

...гул вертолѐта, вспышки прожекторов, секундная стрелка стоит на песке и тоже не двигается...

...чик-чик-чик...

...наручник отстегнули, только когда самолѐт взлетел. Агент, здоровенный детина, еле поместился в кресле, прижал его плечом, сказал «давай без глупостей», включил на мониторе фильм...

...лают собаки, ночь, дым...

Это было невыносимо. Максим проснулся, с трудом сел, втирая глаза кулаками в голову и стараясь отогнать обрывки ночных химер. Прищурился: пять пятнадцать. Прислушался к себе, сейчас боль напоминает эхо в горах, пульсация в голове терпимая.

«Интересно, Ленка ещё на посту? Надо бы лучше ей втолковать, чтобы не трепалась о нашем знакомстве».

Он лёг, повернул голову и стал смотреть в тѐмное окно, в котором отражалась его палата. Мягкий свет мониторов убаюкивал, и он опять начал проваливаться в сон.

...вспышка света над крылом, самолѐт тряхнуло, ещё раз, и ещё раз сильнее, свист разгерметизации, девочка... собаки... боль...

— ...Макс, Макс... ну, Макс же... — Ленка трясла его за плечо. — Максим, просыпайся! Да просыпайся же ты!

— Лен, что? — Максим еле разлепил глаза. — Ты зачем будишь тяжелобольного, сестра?

— Не до шуток твоих сейчас, слышишь, кое-что случилось! — голос стал жѐстче. Она пальцами вцепилась ему в плечо и сильно тряхнула.

— С ума сошла?! Мне же больно!

— А как мне тебя, бревно такое, разбудить?

— Сама меня накачивала целый месяц. Что случилось-то?

— Вставай, бери халат и пересаживайся в кресло, сейчас поедem.

— Мне надо сначала принять ванну, выпить чашечку кофѐ...

— Ты идиот?! Что непонятно-то, вставай немедленно! Вчера ты мне сказал не говорить, что знаю тебя, а сегодня в рассылке твоя фотография и перечень особых примет — тебя ищут!

Максим выпрямился в постели, быстро спустил ноги, засунул руки в халат. В следующее мгновение он уже сидел в коляске и катил себя к выходу из палаты.

— Вот это скорость! Давно бы так. Поехали, по дороге расскажу. Надо успеть до обхода, у нас есть полчаса.

Шесть утра. Лена так и не сомкнула глаз, ошарашенная событиями. Несколько раз тихонько заходила проведать друга. Новым взглядом долго и внимательно смотрела на привычного пациента, который оказался таким близким и родным. Она уже собиралась заканчивать смену, готовила пост, как на мониторе загорелся значок рассылки.

С вечера администрация готовит общебольничные новости, приказы, поздравления, объявления. Лена машинально их пролистала и застыла, когда увидела фотографию Максима.

Никаких сомнений, это он. Прочитала сопроводительный текст и оцепенела — международный террорист?! Объявлен в федеральный розыск?

Пальцы на мыши мгновенно онемели. Она резко откатилась от стола. Сильно потёрла руками лицо, сделала несколько глубоких вдохов и вернулась к монитору.

«Особые приметы: татуировки на плечах — оскаленный волк справа и знак военной разведки, летучая мышь держит глобус, слева. Имеются следующие шрамы от ранений и следы ожогов...»

Разлетелась последняя надежда, что это ошибка. За месяц она изучила все его отметины. Некоторые были ужасны, было понятно, что залечивались они не в медицинских условиях.

«Так. Думай. Ты ничего о нём не знаешь. Ты не знаешь, как он жил последние пятнадцать лет, ты потеряла его следы через пять лет после того, как он... Так. Не отвлекайся. Что делать? Надо что-то делать». Лене казалось, что у неё поднялась температура, из холода бросало в жар.

«Узнать его по фото невозможно, это факт, но татуировки — почти на виду. На обходе будет осмотр, и тогда всё».

Пару лет назад у них лежал беглый из колонии. Побегал в зиму, перемерз, подхватил тяжёлую пневмонию. Полуживого привезли железнодорожники, валялся на путях без сознания. Но как только пришла ориентировка, его сразу взяли в оборот. Отпечатки, ДНК. Сотрудники в штатском пристегнули его, ещё в коме, к койке и поставили охрану. Эти ребята работают чётко и слаженно.

«Не верю. Не поверю, пока не спрошу сама. Так. Что со временем? Час до планёрки. Сменщицу ждать некогда. Напишу записку, что заболела, и уйду. Надо его увозить из палаты. Но куда? Только на нашем этаже две камеры. Так. Думай. В ординаторской есть запасные комплекты формы для врачей. Кто у нас самый крупный? Борисыч. Наверное, налезет. Надо ещё успеть ему повязку снять».

Лена, опытная медсестра, умела одновременно и думать, и действовать. Сгоняла в ординаторскую, нашла более или менее чистый, но всё равно вонючий комплект формы заведующего. Кроксы взяла старшего ординатора, они показались ей самыми большими. Пулей залезла в сестринскую, схватила сумку, свою одежду. Оттуда бегом в процедурный, смела с полок всё необходимое для перевязки, препараты для инъекций.

Этаж начинал оживать, появились санитарки. Уже замигали, загораясь, потолочные лампы, когда Лена вбежала в палату. Она сгрузила на Макса пакеты, сказала ему скособочиться и опустить голову, прикрыла его одеялом. Через минуту они уже ехали в лифте на этаж 1, в отделение радиологии. Она помнила про камеры, поэтому план был сложный — проехать весь этаж, завернуть за угол и снова вызвать лифт.

Цокольный этаж. Дверь в отделение скорой помощи закрыта с этой стороны, ею давно не пользовались. Рядом комната со всяким поломанным хламом. Еле протиснувшись внутрь, Лена молча протянула Максу комплект формы, кроксы, шапочку. Быстро переделалась сама.

Показала ему жестом сесть обратно в кресло, натянула перчатки и осторожно, точными движениями сняла с головы повязку. Быстро проверила: рубец был спокойный, без признаков воспаления. Наклеила на него повязку-пластырь, достала шприцы и ампулы, сделала два укола.

В заднюю дверь отделения скорой помощи по очереди вошли двое: высокий врач в маске и женщина. Врач размашистой уверенной походкой прошёл через отделение. Женщина что-то быстро набирала на телефоне, здороваясь и улыбаясь коллегам. Под навесом женщина пошла налево, а врач направо. За воротами врач сел в такси. Через несколько минут со служебной парковки выехал крошечный «Фиат» цвета мяты.

— Ленка, блин. Вот ты профи! Вот кому учиться не надо — за короткое время спланировала и осуществила такую операцию! Респект тебе и уважуха! — Максим сидел за крохотным столом на кухне в квартире Лены и широко улыбался.

— Ты мне зубы-то не заговаривай. Сейчас ты мне всё расскажешь. Сдавать тебя я не собираюсь, но рисковать сомнительными связями мне сейчас нельзя. У меня дело по опеке заканчивается. Понял?

— Ты меня на «понял» не бери, понял?

Несмотря на напряжение последнего часа, оба рассмеялись.

— Конечно, расскажу. Кому, как не тебе, Ленка, ты моя золотая! Только поесть бы чего-нибудь, а?

— Я сейчас дома почти не бываю, только спать прихожу. Беру сдвоенные смены, чтобы подзаработать к возвращению... Макса.

— Макса? В смысле?

— Да, в этом самом смысле. Назвала сына как тебя. Муж, светлая память, не возражал.

— Ну, тогда и ты мне всё расскажешь, — шутливый тон слетел, он посерьёзnel, — неожиданно.

— Ну, по неожиданностям мне до тебя далеко.

Она заглянула в холодильник. Достала всё, что там было — початый тетрапак кефира, масло в обёртке. В морозилке нашёлся пакет с пельменями. Поставила на плиту кастрюлю с водой, зажгла газ, пошарила в шкафу, нашла лаврушку и перец горошком. Принюхалась.

— Фу, невыносимый запах Борисыча на моей кухне — это уже слишком.

Она чуть помешкала, потом вышла в коридор и позвала Максима. Вместе они сняли с антресолей большую коробку. Лена так и не решилась отдать вещи Толика. Всё откладывала, думала, может, Максику что-то понравится, возьмёт на память об отце.

— Я не могу. Ты сам, хорошо? Вы с Толиком одного роста, бери всё, что подойдёт, — она резко отвернулась и пошла на кухню.

Вскоре в квартире разливался божественный аромат пельменей — спасителя русских душ.

Когда Максим вошёл в кухню, Лена накрывала на стол. Мельком посмотрев на него, вздрогнула, ложка выпала из рук, и она тяжело осела на стул.

— Ничего, ничего, всё нормально, сейчас пройдёт, — шептала она сквозь слёзы, — отпусти меня, Макс, сейчас вместе свалимся.

Максим стоял на коленях возле Лены и обнимал её.

— Просто воспоминания нахлынули. Я от усталости и стресса совсем тонкослёзная стала, — сказала она, вытирая глаза кухонным полотенцем, — давай поедим.

Максим в синих джинсах, белой футболке и джинсовой рубашке с закатанными рукавами походил на лихого, но слегка побитого ковбоя. Толик тоже любил так одеваться. Они смеялись, что надо бы ему прикупить шляпу Стетсон и сапоги-казаки, поэтому появление Макса в его одежде выбило Лену из колеи.

Они молча и сытно поели, убрали посуду в раковину. В турке на плите шапочкой поднимался кофе, Максим стоял наготове, в одной руке сигарета, в другой ложка.

— Тебе через два часа надо будет сделать укол. Это антибиотик, — Лена достала из сумки ампулы и шприцы, положила на стол, — но сейчас меня просто рубит. Сколько бы я ни выпила кофе, не поможет, надо поспать. У меня вторые сутки пошли, я даже курить не хочу.

— Ты в порядке будешь? — Максим встревоженно посмотрел на неё. — Я могу сам себе укол сделать, не первый раз, может быть, тебе просто лечь и поспать сколько получится?

— Я знаю, что мне делать, — без раздражения, тусклым, уставшим голосом ответила она. — Ты тоже ложись, на диване в комнате есть плед. Я ставлю будильник, встретимся через два часа.

Уже выходя из кухни, Лена остановилась и тяжело обернулась:

— Я совсем забыла, что тебя ищут!

Она вернулась и села, было видно, что сил у неё нет совсем.

— Что делать, Макс? Я сейчас просто вырублюсь. Может быть, тебе не ждать, а лучше уйти? — её глаза налились слезами. — Что делать-то, а? Я совсем не соображаю...

Максим выключил газ, большим пальцем задавил в пепельнице сигарету. Подошёл к ней и, как ребёнка, подхватил на руки. В спальне он положил её на кровать, накрыл свободной частью покрывала, задёрнул плотные шторы. Присел рядом на корточки, убрал волосы с лица, поцеловал в лоб.

— Спи, Ленка, я со всем разберусь, — сказал он своей уже спящей подруге.

Он немного посидел у кровати, совсем как она этой ночью возле него. Рассматривал её лицо, тонкие пальцы, зацепившие край покрывала. Наклонился поближе, присмотрелся и разглядел веснушки, он их помнил. Взял с тумбочки фото в рамке — симпатичный парень, Ленка, малыш, все смеются, где-то на юге.

«Разные у нас с тобой юга были, подруга. И жизнь разная. Но растёт мальчишка с моим именем. И я выжил в авиакатастрофе, чтобы об этом узнать. Чудеса».

Максим поправил покрывало и тихо прикрыл дверь. Вернулся на кухню, прикурил сигарету, нашёл в шкафу чашку. Запах кофе и сигареты, умиротворяющая сытость, уют домашней обстановки действовали на него неожиданно — он понял, что по лицу текут слёзы. Уже очень давно ничего в его жизни не было лучше этих слёз.

Глава 5

«Женёк, привет! Ну что, всё готово, я записала подкидыша на тебя. Ты её временный опекун, форму кинула на мыло».

Женя прочитала смс. В животе ухнуло. «Всё, отступать некуда, процесс пошёл».

«Надюш, привет! Спасибо, дорогая, я тебе путёвку тоже выписала. Дату заезда сама поставишь, тоже в почте».

Женя сидела за столом и задумчиво смотрела в окно. За внешним спокойствием бушевало цунами мыслей. Она пыталась их упорядочить, чтобы понять, как претворять в жизнь её спонтанный импульс взять странную девочку себе. Она встала, наполнила кувшин водой и принялась поливать свою маленькую оранжерею на подоконнике. «Как они будут без меня, засохнут ведь, — подумала Женя и сама удивилась своим мыслям, — стоп, а ведь это вариант!»

Она открыла сайт больницы. Ввела пароль, увидела четыре новых сообщения в рассылке, автоматически кликнула открыть, с этого начинался каждый рабочий день. Первые два были больничной рутинной. От третьего у неё мгновенно сжались зубы и противно засосало под ложечкой. Незнакомый с авиакатастрофы оказался международным террористом. Она сразу поняла, что это он, видела татуировку военной разведки, когда он лежал в реанимации, запомнила. Она часто видела их в прошлой жизни.

«Твою же мать. Если девочка с ним как-то связана... да как она связана, она же сказала, что нет».

Четвёртое письмо заставило Женю глухо застонать: с экрана на неё смотрела девочка, и не было никаких сомнений, что это она. «Мэл Марковна Левинсон, 2015 года рождения. Разыскивается по запросу...» Дальше перечень фамилий, видимо, родственники.

В экстремальных ситуациях Евгения Игоревна Калинина действовала как военный хирург — решительно и быстро. Но сначала она сделала несколько глубоких вдохов-выдохов и прямо из того же кувшина, из которого поливала цветы, отпила воды. Работа в полевых операционных иногда сутками без сна приучила её к двум вещам — что бы ни происходило, надо быстро восстановить диафрагмальное дыхание и избежать обезвоживания.

«Ты что, хочешь украсть ребёнка у родных? Ты что, тоже террористка?»

«Ты уже наследила, оформила ребёнка на себя. Тебе хана».

«Соскучилась по приключениям? Ребёнок средство? Нисколько не сомневалась, что у тебя опять сорвёт башню».

Женя знала — этого концерта в голове не избежать. Сразу почувствовала прилегающий стандартный набор в виде острой боли в правом виске, онемения щёк и покалывания в пальцах.

«Почему она сказала, что её никто не будет искать, настаивала на этом и не хотела говорить имя?»

Женя зацепилась за эту мысль, прищипнув на греческий хор в голове. Вернулась к монитору, открыла страницу отдела кадров, написала заявление на срочный отпуск за свой счёт по семейным обстоятельствам и сразу, чтобы не передумать, нажала «отправить».

«Это сделано. Теперь нужно по-тихому увести девочку... Мэл из детского отделения».

«Не „увести по-тихому“, а украсть. Так это называется», — не унимались комментаторы в голове.

Женя сняла халат, надела через плечо сумочку. Снова надела халат и застегнула на все пуговицы.

Осмотрелась, шепнула цветам «держитесь, ребятки» и вышла из кабинета. В общей с главврачом приёмной сказала секретарше, что идёт на обход, и быстро зашагала в педиатрию. Как только Женя открыла дверь в отделение, она увидела Мэл. Девочка стояла напротив и

смотрела сосредоточенным взглядом прямо на Женю. Она была одета в джинсы и жёлтый оверсайз-худи с принтом-динозавром. На ногах кеды, в руке бейсболка.

— Идёмте, — девочка подошла и взяла Женю за руку, — нам надо торопиться.

— Подожди, мне надо задать тебе один вопрос, — Женя подвела Мэл к окну в нише коридора и посадила на подоконник, чтобы видеть её глаза, — сейчас ты должна ответить честно. Ты понимаешь, что это важно?

— Я понимаю. Спрашивайте. Только быстрее и самое главное. У нас мало времени.

— Почему ты сказала, что тебя не будут искать, и не называла своё имя?

— Это два вопроса, а не один. Потому что не хочу, чтобы меня нашли. Мне надо совсем в другое место. Если бы я назвала имя, риск, что меня вернут туда, где я не должна быть, был бы выше.

Девочка смотрела Жене прямо в глаза. У опытного диагноста не было сомнений, что это хоть и какая-то дикая, но правда. Во всяком случае девочка в неё верит.

— Пожалуйста, давайте уходить, — она прыгнула с подоконника, замотала косу повыше, натянула бейсболку и стала похожа на щуплого мальчика.

— Снимите, пожалуйста, халат и отцепите бейдж, — сказала Мэл, — давайте я вам помогу.

Женя не стала сопротивляться, сделала всё так, как сказала девочка. Она пока ещё не могла называть её по имени, слишком быстро всё происходило.

— На служебную парковку как быстрее всего пройти? А, стоп, я знаю, — она взяла Женю за руку.

Из отделения педиатрии вышли женщина и мальчик. Мальчик улыбался, а женщина, как обычно это бывает с мамами в больнице, была чем-то озабочена.

«Откуда она знает, что у меня есть машина?» — подумала Женя. Как будто остальные вопросы и недоумения, обрушившиеся на неё шквалом, были не такими важными.

Девочка уверенно провела их по лабиринту больничных коридоров. Через три минуты они были в машине. Мэл молча легла на пол у заднего сидения «Ровера». Женя надела тёмные очки, опустила стёкла, подкатила к шлагбауму и приветливо махнула охраннику в будке.

— Евгения Игоревна, всё в порядке? Вы же только заехали.

Неумеренно ретивый, а на самом деле патологически любопытный охранник подошёл к окну со стороны пассажирского места. Один взгляд влево — и он увидит Мэл. У Жени опять ухнуло в животе.

— Да, срочные дела в городе образовались, — она сняла очки и смеющимся взглядом посмотрела на охранника. — Тебе бы, Денис, сотрудник помоложе останавливать, им наверняка бы это понравилось, парень ты интересный, — она кокетливо улыбнулась и подмигнула, — сигарету?

Охранник польщённо улыбнулся, расслабился. Взял сигарету, шутливо козырнул и вернулся в будку нажать на кнопку шлагбаума. В будке зазвонил телефон. Судя по репликам охранника, он получил приказ машины без досмотра с территории не выпускать, но кнопка была уже нажата.

Женя услышала это, когда проезжала, и ей показалось, что вся правая часть её тела сейчас рассыплется от ледяного ужаса.

«Вот почему она так торопилась», — а дальше только непечатное. Хоть и мысленно, помогало безотказно.

Когда они затерялись в потоке машин города, Женя посмотрела в зеркало заднего вида и увидела Мэл, сияющую широкой улыбкой. Она поймала взгляд Жени и показала сначала палец вверх, а потом смайлик-щепотку. Невольно улыбнувшись в ответ, Женя подумала: «Вот что значит ребёнок, сияет так, как будто не было всех этих кошмаров». Потом сама себя одёрнула,

вспомнив, что имеет дело с необычным ребёнком, и, вполне возможно, улыбка Мэл может обернуться для неё самой какой-то засадой.

«Ну что, успокоились? Кто кого похитил ещё вопрос», — мысленно поддела она своих комментаторов. От этого ей стало так смешно, что она не удержалась, хихикнула и подмигнула Мэл.

— Доктор Женя, можно я так буду вас называть? — Женя кивнула. — Мы могли бы где-нибудь поесть, я очень голодная, — только что сияющая Мэл резко осунулась и побледнела.

— Если нам можно ко мне домой, я бы предложила заказать доставку. Судя по всему, тебе лучше на людях не показываться, — Женя озабоченно посмотрела на Мэл, та кивнула в ответ, — пошарь в кармане за моим сиденьем, там бывают батончики.

Это была Женина слабость — она с детства обожала батончики «Рот Фронт» и везде их распихивала. Как врач, привыкший работать в нестандартных условиях, она ценила, что их примитивный состав — арахисовая паста и сахарная пудра — лучше всего справятся с моментальной дозправкой протеином, жирами и углеводами.

Вскоре Мэл причмокивала набитым батончиками ртом, одновременно разворачивая следующую обёртку.

«Господи, обычный ребёнок, дорвавшийся до сладкого. Ну, во всяком случае, на некоторое время проблема решена», — улыбаясь, Женя выкрутила руль в переулок, к своему дому.

Утром свободных мест было много. Она припарковалась, заглушила мотор и повернулась к Мэл:

— Что дальше, командир?

Через полчаса принесли доставку. Это время Мэл вела себя как обычный ребёнок — ходила по небольшой студии, смотрела книги и попрыгала на большом зелёном мяче, Женя делала на нём упражнения для спины. Рассказала, как обзавелась в отделении одеждой — просто стащила ночью из шкафа в палате мальчиков. Потом помогла Жене накрыть на стол, расставила приборы, открыла коробки и контейнеры. Мастерски управляясь с палочками, с большим аппетитом поела. В конце трапезы сказала, что нигде в Японии не ела такой вкусной японской еды — в общем, была нормальной, симпатичной, хорошо воспитанной и дружелюбной девочкой.

У Жени немного отлегло от сердца. Она приготовила Мэл своё фирменное какао с концентрированным молоком, ванильным сиропом, щепоткой соли и корицей. Сама встала у кухонной вытяжки и затаилась из вейпа. Она хотела бросить курить и, как все зависимые, изобретала лайтовые способы не бросать.

Мэл подняла глаза над чашкой с дымящимся какао и посмотрела на Женю:

— Я понимаю, у вас много вопросов. Вы даже не представляете, как помогли... нам, — она вздохнула, — вы нужны не меньше, чем я. Вы не сопровождающая.

Женя внезапно закашлялась. Пока кашляла, пыталась отогнать мысль, что у девочки психическое расстройство, делирий — осложнение после травмы, которую могли пропустить сканеры. Да и сама она не менее сумасшедшая, раз сделала всё то, что сделала, и слушает сейчас ЭТО.

Мэл встала, открыла кран, налила воду в чашку и молча протянула Жене. Потом вернулась за стол, потупила глаза и другим, чётким голосом заговорила:

— В детстве вы сидели одна в лесу и хотели умереть. Замёрзнуть насмерть, так вам было одиноко. Позже вы ещё раз хотели покончить с собой, потому что вас опять предали. Вы работали хирургом в армии, в... (она перечислила все Женины командировки). У вас был роман с женатым командиром полка, но он выбрал карьеру. Вы были тяжело ранены. Вы терпеть не можете гражданскую жизнь. У вас ПТСР, но вы пропускаете встречи с психотерапевтом. Ходите к нему только за рецептами на транквилизаторы. Вы плохо спите, у вас нет друзей, вы не можете завести даже собаку, потому что всё время хотите...

— Хватит.

Женя обхватила себя руками, лицо стало под цвет волос — пепельно-серым. Она резко повернулась, выдернула ящик, всё содержимое рассыпалось по полу. Присела, нашла пачку сигарет, трясущимися пальцами вынула из неё зажигалку, прикурила. Открыла окно и отвернулась, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами. Ей казалось, что хуже этого в её жизни ничего не было — её как будто вывернули наизнанку и озвучили каталог всего самого страшного. Того, что она пыталась забыть.

— Простите, пожалуйста, — Мэл сидела на полу и собирала рассыпанную кухонную мелочь обратно в ящик, — простите, я этого не хотела, мне очень жаль, что вам так больно.

Женя присела на край стула. На лицо постепенно возвращались краски. Она выпила воду, вытерла тыльной стороной губы и внимательно посмотрела на Мэл:

— Я не знаю, кто ты. Так случилось, что я не верю ни в какую мистику. Жанр фэнтези не читаю и не смотрю. Но также, как врач, я не верю ни в какие случайности. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Со своими эмоциями я разберусь сама. Надеюсь. Теперь говори, что нам делать дальше, потому что я не понимаю ничего и, соответственно, могу предложить только то, что у меня есть.

Организованный и точный ум Жени помог ей быстро прийти в себя после шока, собраться, отбросить несущественное, чтобы понять план действий.

Глава 6

Сэму нужно было в аптеку, купить спрей. Они договорились встретиться в одном из летних кафе на привокзальной площади. Зоя никогда не садилась спиной ко входу, ей нужен был обзор. Но летним погожим вечером даже в таких забегах было полно народа. Пёстрые, как ярмарочные балаганы, кафе стояли подряд, полукругом огибая площадь. Она прошла два и, наконец, увидела свободный столик — как раз то, что нужно, с видом на площадь.

Официантка принесла на блюде бумажный стакан с кипятком и пакетик чая — приветствие гостю.

Первым делом Зоя сняла бейсболку, стянула резинку, запустила пальцы в волосы и сильно помассировала голову. Кожа была как онемевшая и в то же время болезненная.

Внутри всё странно тихо. Зоя рассеянно осмотрелась, поправила скатерть. Двумя пальцами подцепила и положила в горшок с толстеньким каланхоэ погибшего ночного мотылька. Над стаканом тонкой завитой струйкой поднимается пар, пакетик чая так и лежит рядом.

Вечерний свет делает своё дело. Краски приобретают розовато-бежевые оттенки, и всё выглядит не таким противным. До этого момента Зоя не воспринимала город, он был просто точкой на карте.

Она приехала повидаться со своим подпольным клубом хакеров. Раз в год они выходили из цифрового мира и собирались в рандомном городе. Снимали дом и с неделю мрачно тусовались — пили и устраивали батлы: соревновались в технике, кто кого уделает, потом разъезжались. Зоя жила отдельно, она слишком ценила бытовой комфорт, а у отца здесь была небольшая, но удобная квартира в его же многоэтажке.

В этот раз полем их соревнований по сбору закрытых данных стала авиакатастрофа. Удивительно, начинаешь верить в мистику: до сих пор так и не выяснили, что стало её причиной — самолёт просто сломался пополам, и, вопреки законам аэродинамики, сегменты летели вниз по спирали, сами гасили скорость, поэтому столько выживших. Байкал, что ли, так действует?

Зоя взяла пакетик, прочитала название: «Травы Байкала», мысленно поставила владельцу кафе «зачёт» за такое приветствие и положила его в воду. Сразу пошёл густой, пряный аромат.

«Надо написать им отзыв, — подумала Зоя, — как они тут называются?» Она перевернула ламинированный лист меню и рассмеялась — в красно-белом овале надпись «Бэтмен навсегда» и крылья летучей мыши. «Дают ребята, с юмором. Такое не забудешь, надо написать им что-нибудь приятное».

Чтобы скоротать время, Зоя решила купить себе обратный билет. Сейчас она жила в Москве, так ей было логистически удобно перемещаться, когда опять не сиделось на месте. Увидела уведомление на почте, письмо от Ирины, своего психотерапевта. Хотела было открыть, но передумала, внутри противно засосало.

«Сколько можно ходить в аптеку? Вот же они, я вижу минимум две», — подумала она раздражённо и сразу увидела Сэма. В руке аптечный пакет. Он стоит почти напротив неё, но не замечает, крутит головой. Зоя помахала рукой. Он машет в ответ и пробирается между столиками, но шаги замедляются, будто он сомневается.

Она подняла взгляд:

— Тебя только за смертью посылать. Садись.

— Я тебя не узнал, без кепки ты совсем другая, — он сел напротив.

Подошла официантка со стаканом и чаем. Сэм сказал, что это не его заказ, официантка с улыбкой сообщила, что это приветствие, и спросила, хотят ли они что-то покушать. Сэм смутился своей неловкости и вопросительно посмотрел на Зою.

— Спасибо, мы ещё подумаем, — почти одновременно ответили они, и все трое рассмеялись.

Сэму трудно даются смол-токи, а Зоя вообще не считает нужным притворяться там, где в этом нет необходимости, поэтому сразу перешла к делу:

— Ты ведь что-то знаешь, да? — тихо спросила она, подаваясь вперёд.

— О чём? — он по-детски указательным пальцем на переносице поправил очки и моргнул.

— О... — она делает паузу, ищет слова, — ...обо мне. О том, что всё это — не случайность.

Он посмотрел прямо на неё. На бледной коже ярко проступили веснушки. В глазах усталость и что-то похожее на тревогу.

— Я ничего не знаю, — сказал он медленно, запинаясь, — но... когда ты держала меня тогда, на перроне... было чувство... будто мы уже знакомы. Давно. Но я ничего об этом не помню.

Зоя нахмурилась и отвела взгляд. Стянула с запястья резинку и начала собирать волосы в хвост.

— Ты сказал «спасибо», когда я тебе помогала. Никто никогда мне не говорит «спасибо», — она усмехнулась, — обычно всё заканчивается иначе.

— Как? — спросил Сэм.

Он почувствовал нарастающую панику, понимая, что сейчас она соберёт волосы, опять наденет бейсболку, сольётся с толпой, и он навсегда её потеряет. Её прозрачные глаза с перламутровым оттенком в вечернем свете, её какую-то неуловимую узнаваемость.

— Тем, что меня больше не помнят.

Стало ещё больнее. Он быстро опустил глаза, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы, тихо пробормотал «я бы тебя никогда не забыл» и взял из пакета коробку со спреем.

— Что, опять приступ? — Зоя подалась вперёд. — Помочь?

Сэм медленно покачал головой. Между ними повисла тишина, как вакуумная камера посреди гудящей привокзальной площади. Обоим стало неловко за порыв искренних чувств. Зоя чувствовала, что эта неловкость действует на неё как розжиг, распалая раздражение.

До них долетело объявление: «...если вы потеряли друг друга, в центре главного зала нашего вокзала есть...»

— Это знак! — Зоя, усмехаясь, подняла указательный палец. Продолжая улыбаться, встала и оперлась руками на стол: — Поехали.

— Куда? — Сэм вопросительно поднял глаза.

Она улыбнулась одними уголками губ, глаза полны решимости:

— Куда-куда! Куда тётка сказала — жениться! Пока ко мне. Я думаю, нам есть что рассказать друг другу, а потом... суп с котом.

Он облегчённо рассмеялся бы, если бы мог, но вместо смеха на глаза снова навернулись слёзы.

«Мистика какая-то». Но Сэм даже не стал додумывать эту мысль — его берут с собой, и ему всё равно, пусть она даже трижды с мышами, главное — он ей нужен!

Они встали, Зоя положила под вазочку купюру для официантки и собралась надеть бейсболку.

Но тут Сэм тихо охнул и осел обратно на стул. Достал спрей из кармана, встряхнул и сделал вдох.

— Зоя, я здесь в командировке, на конференции. Коллега, к которому я должен был поехать на электричке, согласился прочитать одну мою работу и дать комментарий. Он отошёл от дел, но обладает уникальными знаниями. И не доверяет технике. Живёт в XX веке, у него

нет ни сотового, ни электронной почты. Если я сегодня с ним не встречу... рукопись у него... у меня завтра билет на самолёт.

В нём боролись два чувства: тяга к этой девушке и жгучее желание узнать, прав ли он в своём открытии, над которым работал несколько лет.

Зоя внезапно почувствовала навалившуюся усталость. Ей трудно давались ситуации, где что-то идёт не по её плану. Она не пыталась себя уговорить, что этот чужой человек не важен, что всё это какая-то блажь, а она заигралась в загадки — она просто стояла и смотрела на Сэма. Видела, как ему грустно от того, что он не может пойти с ней, и что он не пытается это скрывать. Эта его болезненная искренность подкупала, может быть, по контрасту с ней самой — закрытой и всё контролирующей.

Она села рядом с Сэмом:

— Дай телефон.

Он достал из кармана и молча протянул ей.

— Я запишу тебе свой номер. Завтра, как освободишься, пиши в телегу, я скину адрес. Куда тебе ехать?

Он назвал посёлок. Она что-то быстро делала в его телефоне, а Сэм просто смотрел на неё — как она сдувает прядь светлых волос с лица, как хмурится, какие у неё тонкие и длинные, но сильные пальцы с короткими ногтями без лака.

— Имей в виду, я всё равно от тебя не отстану, найду хоть где, — Зоя с улыбкой вернула ему телефон. — Тебе лучше поехать туда на такси. Деньги не конские, я проверила, а время сэкономишь. Возьми бомбилу, вон у них точка, с ними можно поторговаться.

«...я всё равно от тебя не отстану» прозвучали для Сэма чуть ли не как признание в любви.

Они вместе дошли до стоянки такси. Зоя быстро встроилась в сленг, объяснила водителям, по какой цене нынче хоккей с мячом — в этих играх она была как рыба в воде. Ошалевший Сэм благодарно кивнул, пожал и чуть задержал в руке её твёрдую ладошку, хотел что-то сказать, но Зоя его опередила. Она была в ударе, развлекалась и достаточно громко, чтобы слышали таксисты, сказала:

— Жениться будем завтра, дорогой. Всё завтра, — нарочито нежно чмокнула его в щёку и помахала рукой вслед удаляющейся машине. Потом картинно развернулась, подмигнула таксистам и спросила, какая карета повезёт домой её.

Глава 7

«...давай сядем на другой автобус, а этот пропустим. Слышишь, сигналит...» Нстойчивое треньканье вписалось в сон, Лена хотела его досмотреть, там был Толик.

Она нашарила на тумбочке телефон. Приоткрыла один глаз, сощурилась, увидела на экране физиономию Юльки и сбросила звонок. Телефон затренькал опять. И вдруг она всё вспомнила, резко села и свайпнула «ответить». Сразу на экран стопкой загрузились уведомления о пропущенных звонках.

— Я слушаю, — хриплым со сна голосом сказала Лена, — тебе что, заняться нечем, чего ты мне названиваешь?

— Ленка? Блин, ну и голос у тебя, сразу не узнала! — Юлька затараторила. — Ты что, правда заболела? Я думала, это отмаз. Ты не представляешь, что тут творится! Просто кино — на нашего из ПИТа пришла ориентировка, он террорист! Я его сразу узнала по описанию примет, побежала к Борисычу, а тот, как подорванный, к главврачу.

Лена сидела в кровати. Сон слетел, но навалилась резкая головная боль, она чувствовала, как стучит в висках. Зазвенел сигнал будильника. Она отжала «стоп» и, продолжая краем уха слушать Юльку, еле передвигая ноги, пошла в гостиную.

Макс лежал на диване. Свернувшись калачиком, натянув на голову плед, он крепко спал. Она присела рядом с ним.

— Подожди, не трещи, я не поняла — это ты сказала Борисычу, что наш пациент подходит под описание? — она сама не знала, зачем это спросила. Как будто в такой ситуации, если бы это был не Макс, она поступила бы по-другому.

— Ну да, я, конечно, пусть теперь мне премию выпишут! — Юлька захихикала. — Но не это главное, ты слушай дальше... эй, ты ещё там?

— Да здесь я, здесь. У меня голова трещит, температура 38,5. Я на больничный пойду, грипп, наверное, — Лена начала связно мыслить и на всякий случай подстраховалась, наврав этой дуре про температуру.

— Блин, пропустишь самое интересное! У нас сейчас в отделении такое творится! Куча, ну этих, в штатском, заняли кабинет Борисыча, опрашивают по очереди всех сотрудников, меня уже, такие вежливые! — она опять захихикала. — Один так вообще, красавчик!

— Я ничего не поняла. Почему сотрудников опрашивают? — Лена продолжала прикидываться дурочкой. — Что случилось?

— Блин, ты что, меня не слушала?! Пропал наш пациент! Сбежал, прикинь? Натуральное кино! Ох, кому-то мало не покажется! Людка, секретарша главного, бежит, как наскипидаренная, говорит, к техникам пошли, записи с камер смотреть.

Лена оцепенела и вцепилась в руку Макса. Он проснулся и пристально смотрел на неё. «Громкая связь», — сказал он одними губами.

— За тебя тоже спрашивали. Я показала им твою записку, сказала, что тебя не видела и не знаю, во сколько точно ты ушла. Ты во сколько ушла-то? — Юлька насторожилась. — А чего ты, правда? Оставила пост пустой...

— Да плохо мне уже было совсем. Я видела, как старший ординатор вошёл в отделение, так что... Пациента я проверила, он на месте был, спал. У него на восемь утра направление на рентген, я думала, ты придёшь и свозишь его.

— Ну понятно. В общем, они всё равно будут тебя искать, чтобы опросить. Так что бери трубку с незнакомых номеров, а то домой припрутся, — Юлька или иссякла, или потеряла интерес к разговору, — ладно, давай, выздоравливай, ну ты прикинь, какое кино у нас...

Лена чувствовала себя согласно легенде — жутко болела голова. Лицо и руки горячие, во рту и глазах как песку насыпали.

Максим стоял сбоку у окна и смотрел на улицу. Обернулся и виновато посмотрел на подругу:

— Вот такой я сюрприз. Возвращение с помпой.

Он вернулся к дивану, сел рядом.

— Ленк, я не террорист. Я понимаю, как это звучит, но просто поверь. Я пешка в чужой игре. Игра большая и опасная, поэтому столько шума.

— Да верю я, — она посмотрела на него и прикрыла покрасневшие глаза, — ни секунды не сомневалась, но что это меняет? Пойдём делать укол для начала.

— Я их схему знаю. Сейчас прошерстят больницу, сотрудников, посмотрят записи с камер. Скорее всего, завтра дадут моё фото по всем каналам, подключат бдительных граждан. На днях придут к тебе. Ты всё правильно сделала, грамотно поговорила. Будем надеяться, что твоя легенда сработает, надо брать больничный по всей форме.

— То есть у нас есть сутки? Пока тебя не начнут узнавать на улице? — Лена потёрла лицо руками. — Надо выпить ибупрофен, голова раскалывается. И позвонить в поликлинику.

Пока она разговаривала с регистратурой, Максим встал у окна, наблюдал и размышлял: «Рассказал-то я лайтовую версию, чтобы Ленка не сильно испугалась. Но ушлые следаки, вполне возможно, уже сообразили. Уязвимое место только одно: мы были с ней вместе в коридоре, а сменщице она сказала, что я спал, когда она ушла. Верить в то, что камеры не работали, всё равно что... выжить в авиакатастрофе — два раза не может так повезти, — он усмехнулся и сразу нахмурился, — надо уходить одному и не впутывать в это Ленку».

Лена успела умыться и переодеться. Забранные в высокий хвост волосы делали её моложе, она решительно подошла к Максиму:

— У меня есть план. Честно скажу: боюсь до одури. Мне сейчас рисковать никак нельзя. Но я также понимаю, что не могу тебя бросить. Как я буду после этого смотреть в глаза твоему тёзке?

Максим притянул её к себе, обнял. Она прислонилась головой к его груди, он вдыхал запах её волос и изо всех сил старался не заплакать.

— Ленка... как же всё у нас... шиворот-навыворот, — тихо сказал он.

— Да, Макс, кому-то мы в прошлых жизнях крепко насолили, — она пальцами смахнула слёзы, встала на цыпочки и поцеловала его в колючую щёку. — Точно как в прошлый раз! Ты опять побитый, а я опять зарёванная. Что за карма у нас с тобой — встречаться и расставаться.

— Только сейчас есть отличие: мы с тобой взрослые, и у нас ещё есть время. Ты не возражаешь провести его со мной?

— Кажется, я поняла. Его ищут, ему угрожает опасность, а он только об одном думает.

— Это ты только об одном думаешь, — в тон ей ответил Максим и подмигнул, — а-я-яй, шалунья.

— Я не против, если ты пообещаешь, что всё обойдётся и мне не надо будет тебя реанимировать, — Лена подхватила шутку, — а теперь серьёзно. Хочешь послушать мой план?

Максим прикурил две сигареты, одну протянул Лене. На плите опять поднимался кофе.

— У меня есть должник. Вернее, клиент, — заговорила она спокойным, деловым тоном, — он бухает, а я его откапываю по своей схеме в любое время дня. И ночи, кстати, тоже. Платит неплохо, но всё же мне должен, потому что такой люкс пойди ещё поищи. У него гостиница, прямо на трассе, рядом парковка дальнобоев. Сдаёт номера парочкам и чикам с клиентами. Сам понимаешь, глаза там закрывают на всё. Он кому надо отстёгивает, поэтому всё схвачено — чинно-благородно. Думаю, там будут искать в последнюю очередь, никому не выгодно ворошить это осиное гнездо. Я сейчас ему наберу, скажу, что хочу воспользоваться его предложением. Он и сам ко мне подкатывал, но, когда понял, что голяк, предлагал мне в любое время дня и ночи располагать его рассадником блуда и порока.

— Ленка. Ты гений, — восхищённо сказал Максим, — ты меня просто поражаешь. У тебя быстрый ум, и со стрессом ты справляешься на раз-два, — он положил ей руку на плечо, — я бы пошёл с тобой в разведку, братишка.

Лена грустно, но польщённо улыбнулась и ушла в другую комнату говорить по телефону.

Через полчаса они встали с дивана и одновременно сказали: «В час добрый». Максим вышел первым. В клетчатой свободной рубашке навыпуск и бейсболке он был похож на парня-переростка. В руках у него была большая картонная коробка, которая закрывала лицо.

Лена вышла пятью минутами позже, села в такси, подтвердила адрес поликлиники. Максим ждал её там, это было рядом, в соседнем квартале. Они с руки поймали такси, заехали в банкомат, поменяли ещё две машины и приехали в гостиницу «Летучая мышь».

Глава 8

— Никогда ничего вкуснее не ела! — Мэл сидела за кухонным столом и таскала из вазочки батончики.

Женю эти переходы выбивали из равновесия: никогда не знаешь, с кем имеешь дело: пусть и с развитым, но ребёнком или какой-то мистической прорицательницей.

Ужасно хотелось выпить. Самым тяжёлым для неё было бездействие, но казалось, что сейчас Мэл не интересуется ничем, кроме конфет. Это злило, и мысли опять тянулись к выпивке. Женя пока не поняла логику действий Мэл, но заметила: она делает только то, что нужно прямо сейчас, а когда ничего от неё не нужно — она просто ребёнок.

— Детка, смотри не лопни. Давай тебе голову, что ли, помоем? — сказала Женя, чтобы хоть чем-то заняться. — Небось, давно нормально не мылась?

Мэл замерла с набитым ртом, нахмурилась, потом, видимо, что-то вспомнила и промычала:

— Сувоствиєм, щас, — допила из кружки какао, пальцем вытерла внутри пенку, облизала палец и встала из-за стола, — вкуснотища!

— Сама разберёшься? Помощь не нужна? — Женя подала девочке пушистое зелёное, как мох, полотенце. — Оставляй одежду здесь, — Женя решила схитрить. — У нас есть время заказать тебе новую одежду или хотя бы постирать эту?

Мэл облизала усы из какао и задумчиво посмотрела на Женю. Пожала плечами и с полотенцем на плече удалилась в ванную комнату.

«Час от часу не легче, я с ума сойду!» — мысленно возмутилась Женя.

«По-моему, поздновато ты об этом забеспокоилась. Колпак свистит уже вовсю. Иначе как бы ты оказалась в такой ситуации», — незамедлительно прокомментировали происходящее её сожители.

Женя была научена горьким опытом. Ей больших усилий стоило воздерживаться от выпивки. На левом плече тяжёлым мешком висело мамино наследство — решать любые неприятности при помощи алкоголя.

«От одного мерзавчика вреда не будет. Зато сразу станет легче, расслабишься и сможешь ясно думать. Сколько на тебя навалилось разом, кто ж такое выдержит». Обычно на эти приплакивания маминым голосом Женя реагировала капитуляцией.

Она уже шла к морозилке, где в одиночестве лежала початая бутылка «Абсолюта», как тренькнул телефон. Пришло сообщение от Надежды из опеки. Женя вернулась в коридор, взяла телефон из сумки: «ВО ЧТО ТЫ МЕНЯ ВТЯНУЛА?! НЕМЕДЛЕННО ПОЗВОНИ!!!»

Похолодел затылок и опять засвербело в виске. Женя постучала в дверь ванной, услышала «можно!». С намыленными волосами, раскрасневшаяся и улыбающаяся, Мэл отмокала в пенной воде. Женя молча показала ей сообщение.

Девочка мгновенно выпрямилась, нагнулась выпустить воду. Включила душ, смыла с себя шампунь, замоталась в полотенце. Через минуту они сидели рядом на диване, Мэл диктовала Жене, что отвечать: «Надь. Что случилось? Я взяла за свой счёт, у меня отец попал с инфарктом в больницу. Пришлось срочно уехать». Совесть Жени не пострадала, отец давно от этого самого инфаркта умер. Она ни с кем близко не сходилась, чтобы кто-то мог об этом знать.

Ответ пришёл мгновенно:

«Девчонку ищет родня, пришёл запрос. Это точно она. Но она просто испарилась. Исчезла из отделения. Ты её забрала???»

«Нет, я пошла на обход. Пришло сообщение от жены отца, я заскочила в кабинет, написала заявление на отпуск и сразу уехала».

«Боком мне ваш профилакторий выйдет. Я аннулировала форму временного опекуна. Но к тебе вопросы всё равно будут».

«Поняла. Мне жаль, что так получилось».

Ответа не последовало.

Мэл быстро оделась, расчесала волосы, мокрыми стянула их в пучок, надела бейсболку и опять превратилась в мальчика.

— Нам надо уходить. Вам надо собрать немного вещей. Только самое необходимое. Потом снять наличные и заправить машину. Никому не отвечайте... хотя лучше выключите, пожалуйста, телефон. Нам не стоит показываться вместе, где я могу вас подождать?

Мэл говорила и набивала карманы конфетами. Женя машинально открыла шкаф и подала ей небольшой парусиновый рюкзак, с которым ходила в бассейн.

— Выйдешь из подъезда, иди через двор направо, там будет перекрёсток. После светофора повернёшь ещё раз направо и увидишь вход в парк. Иди по центральной аллее прямо, жди меня у другого выхода.

Мэл показала палец вверх, засунула руки в лямки рюкзака. У двери замешкалась, быстро вернулась к Жене, обняла её, крепко прижалась, подняла голову, посмотрела в глаза, кивнула и только потом вышла.

Это Женю сломало. Она сползла по стенке на пол и разревелась по-бабьи, горько, с причитаниями. Она зажимала себе рот, захлёбывалась слезами, выла, но какой-то частью сознания недоумевала — с чего вдруг?! От этого спонтанного проявления близости со стороны чужого ребёнка?

Но даже самые сильные истерики заканчиваются. Женя, не вставая, на четвереньках заползла в ванную. Все зеркала были ещё затуманены паром, и пахло её любимым кофейным шампунем. Она встала, протёрла рукой зеркало и посмотрела на себя — постаревшую, растрёпанную, с заплывшими глазами, распухшим носом и губами. Как будто она всё-таки набухла и делала это долго и обстоятельно.

«К чёрту всё. Хуже, чем есть, всё равно не будет», — эта мысль была ей хорошо знакома. С ней она вербовалась в армию в надежде, что ей не придётся брать грех на душу и кто-то за неё сделает то, что она хотела, но не решалась. Но было ещё что-то, незнакомое, вернее, давно забытое и похороненное — она больше не чувствовала одиночества. В том месте, где то вяло, то буйно вертелась эта дыра, было непривычно тихо. Она прислушалась — точно, тихо. Женя усмехнулась своему отражению и пожалала плечами.

Сбор вещей времени не занял. Она нашла на вешалке и надела мобильную сумку через плечо, положила туда карты, паспорт, все наличные, что были дома. Задумчиво посмотрела на чёрное зеркало телефона, поборолась с искушением открыть, но даже не сразу вспомнила, как его выключать. Сделано.

Женя закрыла окна, опять сказала цветам «держитесь, ребятки», хотя дома у неё были только суккуленты, о них можно было не беспокоиться в её долгих отлучках. Секунду постояла в коридоре, накинула рюкзак на одно плечо, посмотрела в глазок — на площадке пусто — и вышла. Щёлкнул замок.

«Это последнее, что ты слышишь из нормального».

«Я знала, что ты нас сольёшь».

«О, проснулись, — Женя горько рассмеялась, закинула на заднее сиденье рюкзак, села в своего верного друга. — Чарли, у нас новое приключение, не подведи!»

Чарли басовито заурчал, и они поехали сначала кормить его, потом доить банкомат. На заправке Женя собрала с полок все имеющиеся в наличии пакеты с батончиками, прихватила большую упаковку пряников, взяла четыре бутылки воды и успела на ходу, обжигаясь, выпить двойной эспрессо, пахучий, кисло-горький и густой.

Мэл она заметила не сразу и опять прокатилась в скоростном лифте паники. Сбавила скорость, притормозила. Только включила аварийку, как от куста отделилась Мэл.

«Гений маскировки», — восхитилась Женя. Мелкая Мэл ловко преодолела высоту внедорожника и уже деловито пристёгивалась.

— Всё получилось? — спросила она и внимательно посмотрела на Женю.

— Да, полный комплект. Куда едем?

— Я пока не знаю. Будем ездить по городу. Когда я увижу, пойму, что приехали.

— Что увидишь? Может быть, я тоже буду посматривать?

— Не знаю, — в такие минуты лицо Мэл становилось грустным и растерянным, — к сожалению, это от меня не зависит, будем просто ездить. Хотя... разве что это: там не должно быть постов полиции, но движение интенсивное, много грузовых трейлеров, — Мэл устало откинулась на спинку и разворачивала сразу два батончика.

«Такое впечатление, что эти угли компенсируют что-то, что происходит в её психике. Бедный ребёнок».

«Себя пожалей, хлебнёшь ты ещё с этим „бедным ребёнком“».

«Всем заткнуться и сидеть молча», — Женя цыкнула на комментаторов и стала думать: что это может быть за место, которое описала Мэл? Может быть, логично объехать город по спирали? Или сразу выбраться на внешнее кольцо?

Они ездили уж третий час. Девочка явно устала. Когда у неё начинала клониться голова и слипались глаза, Женя давала ей бутылку с водой, чтобы хоть как-то взбодрить. Она тоже чувствовала утомление от этой круговерти дорог.

— Вот оно! — Мэл вскрикнула и припала носом к стеклу. — Вот оно, мы проехали!

Женя от неожиданности вздрогнула: «Где? Что?» Но сработали водительские навыки, она плавно затормозила, перестроилась и съехала на обочину.

— Покажи, что?

Мэл показывала назад, Женя проследила за её пальцем: стоянка дальнобоев, заправка, какое-то трёхэтажное здание. Женя сдала назад, въехала на парковку и заглушила двигатель.

Мэл уже стояла у машины и смотрела на вывеску: гостиница «Летучая мышь».

— Мы приехали.

Глава 9

Зоя засыпала в кофеварку свежее зерно и пошла в ванную. Урча, как сытый кот, машинка сделала крошечную чашечку эспresso, его запах она почувствовала, ещё стоя под душем. Зоя была маниакальным нюхачом, все бытовые запахи были строго выверены, чтобы всегда была уверенность: вернусь домой с вонючей улицы, и меня окутает райский аромат. Ещё в кафе Зоя увидела уведомление, что пришло письмо от Ирины. Всё так хорошо складывалось, она почти успокоилась, и вот надо ей было открыть это письмо.

Ответ на письмо:

«Ирина, здравствуйте, это Зоя Завельская. Я написала, что вы просили, и, кажется, начала понимать. В приложении текст. Если вас не затруднит, дайте, пожалуйста, ваши комментарии. Я пока не хочу встречаться. Ничего личного, прошу понять меня правильно. Вы мне помогли даже больше, чем я рассчитывала, но вот это уже слишком для меня. Во всяком случае пока. Ваш ответ я оплачу как консультацию.

С уважением, Зоя»

«Здравствуй, Зоя. Понимаю тебя. В приложении комментарий по факту прочитанных текстов. Тон нейтральный, описательный. Так как мы работали в терапии творческим самовыражением, комментарий может показаться обезличенным. Так нужно, чтобы минимизировать опасность ретравматизации. Это тяжело, сочувствую тебе. Постарайся относиться к себе бережно, если понадобится — ты знаешь, где меня найти.

С уважением, Ирина

Приложение

1. Тип травмы: ранняя сексуализированная инвазия. Судя по данным, ребёнок, возможно, был подвергнут пограничному или явному сексуальному насилию в дошкольном возрасте. Описание соответствует фабуле растления с вытеснением памяти, но впечатление отложилось в теле, в восприятии себя, чувстве доверия и личных границ.

Ядро травмы: сами события и отсутствие защиты, а также сопутствующие ложные запечатления. Травмирующий опыт сопровождался многоуровневым воздействием в моментах импринтной уязвимости (особенная близость): телесная близость как игра, приятная и безопасная (ванна, пена, руки). Затем начинается смешение удовольствия от игры и страха (посадка на шею, на колени). Далее появляются элементы контроля и бессилия (опьянение, массаж). В финале открытая сцена угрозы, осмотр тела и чувство вины без понимания причины.

2. Детское сознание формируется через реакции взрослых на собственные телесные ощущения. Ребёнок не может осознавать происходящее и давать ему оценку, но чувствует вину, если взрослые сердятся. Пример: фраза «сильно провинилась, но не понимаю в чём». Любое насилие — это травма лишения чувства агентности (возможности проявлять самостоятельность и контролировать контакты с другими). Оно создаёт «суицидальный» тип поведения: «охотничьи сценарии», риск ради риска (адреналин-зависимое поведение), а также формирует компенсаторные механизмы чувства беспомощности: тягу к власти и контролю, отказ от доверительной привязанности и сценарий бессознательной мести мужчинам с воссозданием фабулы травмы — в момент близости и беззащитности.

3. Компенсация в сценарии: «Никому нельзя доверять. Все в итоге предадут». Защитный паттерн: компенсация чувства беспомощности через обесценивание отношений. Психика

вырастила сильную защитную субличность, которая должна быть всегда на шаг впереди: «Мир страшен и хаотичен, а значит — ты либо охотник, либо добыча». Субличность иронична, умна, наблюдательна, не верит в чью-либо искренность. Это создаёт иллюзию свободы в выборе жертвы. На самом деле это защита от страха, чтобы не встретиться с собой, маленькой, уязвимой, бессильной. Телесное запечатление: терпеливость к боли. Психологическое запечатление: азартность, бесстрашие. Сексуальность используется как инструмент привлечения и манипуляций. Тело может быть гиперчувствительным в сексуальном контакте, но только если она инициатор. Когда контакт неконтролируемый, инициирован другими — тело уходит в оцепенение или срывается в агрессию.

4. Проявления опыта травмы. Резонанс вызывают люди с уязвимостью: сложная смесь презрения (бессознательная месть не только мужчинам, но и своей детской части, которой не удалось защититься, убежать или справиться) и стремления защитить (компенсировать бессилие). В момент, когда она перестаёт быть «хищником», происходит кризис идентичности. Это выбивает защиту: она не знает, кто она, если не контролирует ситуацию, чувствует уязвимость, дискомфорт, поэтому поведение циклично».

Зоя перечитывала текст снова и снова, пока слова не перестали быть белым шумом и начали обретать смысл. Воспоминания прорвались и пошли толчками. Резко затошнило, она еле добежала до туалета, её голодный желудок мучительно и долго выворачивало ничем.

Всё это было правдой. Но той жуткой правдой, с которой невозможно быть нормальным человеком. «Что и требовалось доказать: а кто тут нормальный?» — прошелестело в голове.

Зоя не находила себе места, металась по комнатам и не заметила, как стемнело. Постояла у окна, прижавшись к прохладной тьме лбом и ладонями, слушая гулкое биение сердца. Зашла на биржу, но графики и диаграммы, которые обычно действовали на неё, как действует на детей наряженная к новому году ёлка, теперь вызывали острое чувство отвращения.

«Да что со мной?! Охота обломалась, и теперь мамзель бесится? Напиться, может быть? Написать кому-нибудь из наших фриков и ушататься в хлам по полной программе?» Но перспектива провести с кем-то несколько часов вызвала ещё большее отвращение, чем графики криптобиржи.

Воистину: бойтесь своих желаний. Хотела разгадку — получи. Напряжение в синапсах зашкаливало, этот нейронный шторм был больше всего, что она знала. Казалось, что это не закончится никогда: вода в пересушенное адреналином горло — рвота — дикая головная боль и снова вода.

Получается, если следовать логике резюме, встреча Сэма запустила в ней программу «оборотень в стадии трансформации»? Из безжалостного хищника, защищавшего только себя, она прямо сейчас превращалась... во что? В защитника Сэма? И с чего она, вообще, взяла, что он нуждается в защите? Тоже мне, «молчание ягнят», где поп, а где приход. Но было в её горячечных, как температурный бред, раздумьях что-то ещё, пока неуловимое, как куски сна. Какой-то муви-роуд, дорога, люди? Надо спросить Сэма, он ведь тоже не хотел её отпускать, может быть, он что-то об этом знает? Бред полнейший.

Приступы бессильной ярости выматывали. Её уже шатало от слабости, пекли, как выжженные, глаза, так и не давшие ни одной слёзы. Обессиленная, обхватив голову, Зоя сидела в раздумьях на полу у столика с бутылками: текила или транк? Хотелось нашелушить целый блистер таблеток и закончить на этом, но любопытство! Она не могла не узнать — что происходит и куда это ведёт.

«Умереть я всегда успею», — резонно подумала Зоя. Положила на язык маленькую голубую таблетку и опрокинула в рот шотик любимого напитка. Текила моментально сделала своё фирменное «пш-ш-ш» — растеклась терпким теплом по шее, плечам и рукам. Опустошённый

желудок ответил на это туканьем, Зоя поняла, что ему надо, и налила ещё. Она знала, что так нельзя, но сегодня было можно, она так решила.

Её уже начинала окутывать спасительная дремота, она разбросала на широком диване подушки, сняла джинсы и завернулась в плед. Диван стоял напротив большого витринного окна. За ним было густое, как это бывает в северных широтах, со светлыми подпалинами небо. Она вытащила руку, нашарила на полу шотик, опрокинула его в себя и стала смотреть в тёмную бездну, пока не провалилась в сон.

Её плавно подняли. Она лежала и плыла по воздуху то в одну сторону, то в другую. Это было настолько жутко, что её парализовало. Она знала, что это не сон, и от этого становилось ещё кошмарнее — она была полностью лишена контроля. С ней разговаривали, но она не понимала ни слова, потому что это были не слова. Она заходилась криком «не-е-ет!», но не слышала себя, оглохшая и ослепшая. Откуда-то она знала, что нужно успокоиться, смириться, чтобы это прекратилось. Но как это сделать, когда так страшно! Она плыла всё время по горизонтали посередине между полом и потолком. Боялась открыть глаза в бесконечность, полную безысходного понимания: это никогда не закончится.

Запах дезинфекции, пыли и парфюма. Красный с чёрными квадратами ковролин. Узкий коридор. Двери только с одной стороны, их пять. Зоя поняла, что стоит на ногах.

— Завельская? Ваша бронь подтверждена.

— Погодите, я ничего не бронировала...

— Все так говорят. Добро пожаловать.

На дверях вместо номеров логотип кафе «Бэтмен навсегда». Только крылья летучей мыши большие и двигаются вверх-вниз. Зоя пробует каждую дверь, но они закрыты, кроме одной, последней — она открылась настежь. За ней заснеженная лесная поляна. Цепочкой идут люди, их пятеро. Ей нужно найти среди них своё место. Она узнаёт Сэма. Он идёт первым, она встаёт за ним, он оборачивается и улыбается. Она встраивается в ритм, наступает в его следы и чувствует, что теперь всё хорошо. Если бы не этот чёртов рюкзак, он такой тяжёлый, что у неё уже онемела правая рука и болит шея...

...онемела правая рука, потому что она лежит на ней, и болит неудобно вывернутая шея — такой себя обнаружила Зоя, когда сон сполз с её сознания, как сползает ночной туман под напором рассвета.

Зоя со стоном поменяла положение тела и лежала в прострации.

«Надо запомнить: текила + транк = делирий», — настолько реалистичным был сон. Она помнила каждую деталь. Даже ту жуткую часть с параличом и полётом по комнате, как панночка в гробу.

В комнате было светло. Зоя вскочила, чтобы взять телефон и посмотреть время, но пошатнулась и присела. Немного кружилась голова, покалывание в правой руке сообщало, что туда пошла кровь, ныла шея, но солировал на этой утренней планёрке желудок — он подвывал и ворчал, требуя пищи.

«Сейчас, сейчас», — она кое-как встала и дотащила себя до кухни.

В холодильнике была упаковка «Актимеля». Зоя выставила бутылочки на стол, большим пальцем вдавила фольгу и подряд выпила все шесть. Желудок выдал крещендо. Часы на экране показали 10:55, телефон загружал серию уведомлений, пока не погас, вырубившись.

«Бурная выдалась ночь, насыщенная событиями», — ворчала Зоя, разыскивая зарядное.

Включив все четыре головки душа, она сделала температуру на грани «холодно», упёрлась руками в стену и, пока вода хлестала её со всех сторон, вспоминала сон. Её натренированный мозг находил в задачах на логику успокоение, и через пять минут водяной порки она широко открыла глаза.

«Ну вот же оно!» — она увидела мостики связей, и несусветная дичь превратилась в понятную схему. В ней не хватало нескольких деталей, но это вполне нормально.

Зоя, как человек науки и технологий, придерживалась концепции, что мистика, оккультизм, экстрасенсорика и прочее «столоверчение» — это части познания, для которых пока не нашли измерительных приборов. Как когда-то никто не знал о существовании бактерий, не мог объяснить происхождение инфекций, сваливал эти беды на колдунов и их дьявольские козни, пока Антони ван Левенгук не увидел их в микроскоп.

Мозг Зои в каком-то смысле был таким микроскопом. Ей срочно нужен был Сэм, чтобы обсудить открытие и закрыть нестыковки. Она быстро высушила волосы феном, в очередной раз обыгрывая мысль подстричься, ей давно надоело возиться с этой копной.

Телефон ожил, Зоя с нарастающим волнением просмотрела уведомления. Сообщения от Сэма не было. Положила телефон, пальцами потёрла глаза, их всё ещё немного жгло. В шкафчике нашла «Визин», накапала, проморгалась, и тут, как по волшебству, на экране всплыло: «Зоя, доброе утро, или уже день. Это Семён Ремезов, мы вчера познакомились на вокзале...»

«Да что ж такое-то, — нетерпеливо читала Зоя, — что ж ты такой обстоятельный-то? Типа я не срисовала номер и не записала тебя в контакты».

«Прошу прощения, только проснулся. Мы вчера с коллегой засиделись за полночь. Я узнал кое-что. Неожиданно. Про то, что ты спрашивала, знаю ли я что-то. Кажется, теперь знаю».

«Привет. Я тоже. Приезжай», — ответила Зоя и скинула ему адрес.

Это своё состояние Зоя хорошо знала: она взяла след. Оно было как диатез — что бы ни делала, о чём бы ни думала, этот зуд всё время присутствовал, проявляясь то сильнее, то слабее.

Чтобы не перегореть до приезда Сэма, Зоя решила себя занять приготовлением еды. Желудок после «Актимеля» бесновался и требовал чего-то настоящего.

Мудрый папа строил дома удобными. Два первых этажа в них занимала инфраструктура — всё необходимое в лифтовой доступности. Она спустилась сразу на этаж магазинов, карточка жильца предоставляла такой сервис, быстро наполнила тележку по принципу БЖУ, прихватила ещё упаковку «Актимеля» — она свято верила в микробиоту и старалась уважать её потребности. Тренькнул телефон, сообщение от Сэма: «Зоя, может быть, я куплю что-нибудь? Я ужасно голодный».

«Надо же, какие мы джентльмены. Таких больше не делают, — усмехнулась Зоя, но ей было приятно. — Ничего не надо».

Чуть подумала и добавила: «Кольца не забудь», — и смеющийся смайлик.

Сэм ответил смайликом с подмигиванием.

Зоя нарезала большой многокомпонентный салат. Собралась заправить его итальянским дрессингом, но потом передумала. Она знала, что астма бывает аллергической, и не стала рисковать ни Сэмом, ни салатом. Сделала сырную тарелку с фруктами и разложила на длинном блюде мясную нарезку. Осталось только поджарить в тостере багет.

Снова тренькнул телефон:

«Я внизу. Какой этаж?»

«12».

Зоя выглянула из окна и увидела отъезжающее такси. Сэм стоял у подъезда и смотрел вверх. В руках у него был букет цветов. Что-то внутри Зои вздрогнуло, губы скривились, на глаза навернулись слёзы. В следующую секунду она уже распахивалась. Классика Зоино жанра.

— Откуда ты знаешь, что я люблю космос? — Зоя взяла букет. — Разувайся!

— Космос? — Сэм недоумённо посмотрел на Зою и аккуратно поставил коричневые замшевые мокасины на коврик. — Что ты имеешь в виду? Какой космос ты любишь?

— Эти цветы называются Космея, космос по-деревенски. Моя бабушка была их фанаткой.

Зоя быстро управилась с букетом, обрезала концы стеблей и поставила в большую винтажную кружку «Старбакс Шанхай».

— Мне они просто понравились. Похожи на тебя, — он улыбнулся и подмигнул, — мы ведь жениться собрались, как без цветов-то? — сказал Сэм и сразу понял по выражению лица Зои, что шутка вышла в тираж.

— Сначала поедим. Прошу к столу! — Зоя картинным жестом пригласила Сэма в кухню. — Садитесь жрать, пжалста.

Кофеварка варила для Зои третью чашку эспрессо, Сэм попросил чаю и подливал себе из чайничка.

Они быстро поели, убрали со стола и теперь сидели друг напротив друга.

Солнце уже опять собиралось на покой, дни стали заметно короче. Сэм сидел спиной к окну, свет путался в его волосах, делая их отчётливо медными, и бросал медовый оттенок на лицо Зои.

— Что ты...

— Что ты уз... — заговорили они одновременно и улыбнулись. Нельзя сказать, что они были напряжены, но между ними витало какое-то неуловимое беспокойство.

— Сначала ты, — сказал Сэм, — я просто боюсь, что, если начну я, ты подумаешь, что я выпускник Кащенко, настолько всё это... трансцендентно. И абсолютно нереально.

— Смотря что называть реальностью, — откликнулась Зоя. На что Сэм согласно кивнул головой. — Ещё вчера я была уверена в своей психике, а сегодня у меня осталась только одна опора — логика.

Зоя опустила личные подробности, просто сказала, что её вчера вечером кое-что поднакрыло, она приняла транквилизатор и запила алкоголем. Сэм посмотрел на неё сочувственно и понимающе.

Но сон Зоя рассказала во всех подробностях. Когда она дошла до эпизода в лесу, Сэм подался вперёд, снял очки и во все глаза смотрел на Зою. Казалось, он перестал дышать. Потом резко встал, налил себе воды из крана и, пока пил, смотрел в окно.

Зоя не поняла его реакцию и разозлилась:

— Ты объяснишь, что происходит? — она скрестила руки и откинулась на спинку стула. — Мне продолжать или как?

— Да, прости, я просто в шоке, — он вернулся за стол, — продолжай, конечно.

— Ну, в общем, это почти всё. Можно, конечно, списать на то, что под воздействием химии мой подвал почистился и скомпилировал весь этот цирк. Но если не сваливать на бессознательное, о котором мы знаем примерно ничего, то вырисовывается некая логика. Сейчас.

Зоя сходила в комнату и принесла несколько листов бумаги, фломастеры.

— Смотри! Что мы имеем, — Зоя начала разными фломастерами рисовать кружки, — пересаживайся ближе, чтобы глаза не сломать.

Сэм взял стул и сел рядом с Зоей. Теперь вечерний свет падал на их макушки и играл в тёплые и холодные оттенки.

— Первое: мы с тобой встретились, и всё пошло не по плану, и у меня, и у тебя. Твой и мой динамический стереотип сломался. О чём это говорит?

— О том, что случайности не случайны, — ответил Сэм.

— Верно. Второе: и ты, и я не живём в этом городе. Ты нет, а я точно попала сюда случайно. Потом расскажу. А это к чему нас подводит?

— Что случайности не случайны в квадрате, и этот город — отправная точка.

— Вот именно! Для чего? Здесь у меня случился небольшой тупик. Но потом я вспомнила, чем занималась всю неделю. Если без подробностей: у нас были соревнования, кто быстрее добудет закрытую инфу об авиакатастрофе. Знаешь, о чём я?

— Конечно, во всех новостях было. Я поверить не мог, что так много людей выжило. Это противоречит всем... — Сэм остановился. — Прости, не хотел перебивать, у меня спонтанно загружается вики-режим, продолжай, пожалуйста.

— Потом расскажешь, что это. Итак, третье: ты, как я поняла, историк. Проводишь какие-то исследования. Я инженер-айтишник, ну... хакер я, в общем. Мы оба что-то исследуем. Пока не знаю, зачем этот пойнт, — и она поставила рядом с кружком красный знак вопроса. — Четвёртое. Мне крайне редко снятся сны. Под транками вообще никогда. А тут сразу такой сложносочинённый трип.

Зоя нарисовала большой кружок, написала внутри «сон» и повела от него стрелки:

— Вот его основные фабулы: я, парализованная, летаю в бесконечном ужасе. Я заселяюсь в гостиницу, — Зоя задумчиво почесала фломастером висок, — пока не знаю, есть ли смысл в летучей мыши? Может быть, меня просто прикололо название и лого кафе, где мы вчера сидели. Третье: из номера гостиницы открывается вход в зимний лес, идёт вереница из пяти человек. Ты впереди, и я занимаю место сразу за тобой. Сзади меня: мужчина, ребёнок, женщина и в конце мужчина. Но их я не разглядела. Что скажешь?

Зоя посмотрела на Сэма. Он сидел как в прострации, спрятав ладони между коленями и слегка раскачиваясь. Невидящим взглядом он смотрел на схему Зои.

— Земля вызывает Сэма! — Зоя коснулась своим плечом плеча Сэма. — Ты привидение увидел?

— Можно и так сказать, — Сэм поднял вверх очки, сильно потёр ладонями лицо. — Сначала технический вопрос: у меня через три часа самолёт.

Они посмотрели друг на друга. На какое-то мгновение показалось, что всё, что с ними произошло за последние сутки, — это просто зыбкая иллюзия, наваждение. Взрослые люди, заигравшиеся в какие-то фантазии. Они смотрели друг другу в глаза, и в это самое мгновение решался вопрос: быть продолжению или не быть.

Они так и не поняли, что это было: игра вечернего света, собравшего розово-фиолетовые оттенки, либо что-то другое, им до этого момента не известное, — ткань пространства между ними стала зыбкой, и они увидели одно и то же — чистый лист бумаги, на котором начали быстро появляться слова «помогите нам, пожалуйста!», написанные неровным, как будто детским почерком.

Мираж истончился и исчез. Они продолжали смотреть друг на друга. Сэм достал из кармана пиджака телефон, протянул Зое и сказал тихо, одними губами: «Отмени билет, пожалуйста».

Зоя несколько раз моргнула, как будто просыпаясь, взяла телефон и отошла с ним к окну.

Им нужно было какое-то время, чтобы справиться с наваждением. Зоин желудок напомнил, что больше не потерпит издевательств, и затребовал пищу авансом. Она убрала схему, открыла холодильник и молча сгрузила тарелки на стол. Сэм не был голоден, как Зоя, но тоже что-то задумчиво пожевал.

Сердцебиение никак не унималось. Зоя поняла, что с кофеином пора завязывать, нашла пакет с китайской травяной смесью и заварила большой чайник.

— Ну что, Сэм. Теперь твоя очередь, — сказала она, включила свет и села за стол.

— Эффекта «Кашенко» после твоей истории, конечно, не будет, но вчера я был изумлён. Постараюсь быть кратким, опущу все детали, но, если у меня будет загружаться излишняя обстоятельность, такое бывает, я чаще разговариваю с собой и книгами, чем с людьми, — разрешаю меня просто пнуть. Но не больно.

— Можешь во мне не сомневаться, — улыбнулась в ответ Зоя, — пинаю я мастерски.

— Ты права, я исследую историю Сибири и Дальнего Востока — в общем, регион за Уралом. Пару лет назад, я тогда только переехал в Тобольск, в библиотеке нашёл один манускрипт, датированный концом XIX века. Он был в очень плохом состоянии, библиотека и горела, и тонула, но кое-что удалось разобрать. Речь шла об одном ответвлении русских масонов: старая ложа XVIII века «Тайный Закон», Мастера Ивана Перфильевича Елагина.

В неё входила высшая аристократия, кузены царя, например. Особенность этой ложи в том, что они занимались оккультными науками, а не политикой, как остальные ложи Великих Каменщиков. Вот цитата Елагина: «Сохранение и предание потомству некоторого важного таинства от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства может быть судьба целого человеческого рода зависит, доколе Бог благоволит ко благу человечества открыть оное всему миру».

Зоя поёрзала. Сэм вопросительно на неё взглянул, но она нетерпеливо махнула рукой «продолжай».

— Хочешь что-то спрятать — положи на видное место, масоны не скрывали, что владеют тайной.

Большую часть времени они были запрещены, а когда к власти пришли большевики, в ложу внедрили провокатора, и вскоре их всех арестовали.

Местом традиционной ссылки масонов была Новая Земля. Как они там выживали — это отдельная история. В середине пятидесятых Братья, владеющие оккультными таинствами и способные вынести тяготы похода, отправились на разведку, чтобы найти более пригодное для жизни место. В одной из мистерий получилось добыть карту мест силы. Участок тайги в радиусе двухсот километров от озера Байкал, примерно до Восточных Саян, подходил по всем параметрам.

Дальше достоверных источников нет. Но есть легенды, что они дошли и образовали поселение на геотермальных источниках. Никто не знает, правда это или нет. Экспедиции ничего не нашли.

— Сэм, это безумно интересно, но мне уже хочется тебя пнуть, — Зоя знала свой нетерпеливый характер и улыбкой постаралась сгладить сказанное.

— Да, конечно, я понимаю, прости. Я начал собирать всё, что где-то и когда-то об этом упоминали. И всё пришло к тому, что такое поселение есть. Дальше ты знаешь — я отдал рукопись коллеге, и вчера он меня огорошил: общеизвестно, что части этой ложи разбросаны по миру. Но поселение в Сибири точно существует. У них есть ритуал, который можно совершить только один раз в сто лет. Суть ритуала в том, что они обмениваются посланиями с будущим и прошлым, точнее — на сто лет вперёд и назад от времени передачи. Но самое главное вот что: у него есть документальное подтверждение, расчёты. По ним видно, что этот ритуал уже совершили... в июле этого года. Точно не известно где, но где-то тут, в районе Байкала.

Теперь побледнела Зоя. Она закрыла ладонями лицо, облокотилась на стол локтями и сидела абсолютно неподвижно. Потом молча встала, сдвинула чашки, положила на стол схему и стала быстро, уверенными движениями дорисовывать кружки и стрелки. Машинально положила фломастер за ухо и показала на схему:

— Смотри, — её глаза стали тёмными, а щёки покраснели, — закрылось третье: у твоего исследования есть связь с этой историей. И только сейчас я вспомнила последнее, что мне удалось выловить из инфополя, связанное с катастрофой. Двоих из выживших, мужчину и девочку, не могли опознать. Но они оба в один день исчезли из больницы. Представляешь, месяц находились там, но, как только их разыскали, они оба испарились. Мужчина, кстати, в федеральном розыске как международный террорист, его экстрадировали из Японии... Что? Что?

Сэм прошептал:

— Твой сон. В тайге. Ты, я, ребёнок, женщина, мужчина и мужчина.

— Сэм, сохраняем спокойствие, — Зоя тоже оторопела, — мы и так уже побили все рекорды, натягивая сову на глобус. Что ты хочешь сказать? Это они? Мы с ними? И «помогите нам» она написала?

— Я не знаю. Я просто ничего не понимаю, — еле прошелестел Сэм. Было видно, что он устал, глаза покраснели, он уже два раза пользовался спреем.

Зоя сидела, подогнув под себя ногу, и барабанила пальцами по столу.

— Мне кажется, у нас с тобой сейчас есть два варианта на выбор: разбегаемся и забываем всё это побыстрее. Или перестаём допускать, что на нас снизошёл парный психоз, и стараемся распутать этот клубок, воспринимая всё как происходящее в... альтернативной реальности. Глитч порвал нам привычную матрицу. Я за второй вариант.

— Я тоже, — сказал Сэм и задал себе вопрос: с чем связан его выбор? Может быть, с тем, что он не хочет расставаться с этой необычной девушкой? Да какая разница!

— Теперь осталось понять, где их искать, наших попутчиков, — Зоя встала, прошлась по кухне, разминая ноги.

— Покажи мне фотографии и описания этих людей, — сказал Сэм, — и вообще всё, что ты на них нашла.

Зоя принесла макбук. Быстро прошлась по клавишам, хмыкнула:

— Ого, у них тут движ. У кого-то нехило подгорает, и кто-то точно лишится чего-то из-за халатности. Подняли всех, их ищут, — сказала она и повернула экран к Сэму.

Он смотрел на документы и быстро свайпал тачпадом.

«Вот это скорость, — подумала Зоя, — он что-то успевает понять?»

— Кажется, нашёл! Рисуй ещё кружок. Твой сон. Нет, сначала лого в кафе, я тоже обратил внимание — летучая мышь. В твоём сне знак был на дверях, вместо номеров, а у мужчины особые приметы: татуировка, знак военной разведки, та-дам-м-м...

— Летучая мышь! — Зоя аж подпрыгнула и быстро нарисовала на схеме кружок с крыльями. — Афигенно, только что это нам даёт? — и добавила красный знак вопроса.

— Они не могли просто исчезнуть. Не могли исчезнуть вместе, в один день. Мы уже договорились, что не верим в случайности. Их ищут, значит, им надо спрятаться. Но где? Ведь они оказались в этом месте случайно, города не знают, значит, им кто-то помогает, — задумчиво сказал Сэм, налил себе остывший чай и выпил всю чашку залпом, — всё, дальше у меня тупик.

Но Зоя уже быстро щёлкала клавишами. Замерла, вгляделась, моргнула, ещё раз вгляделась и повернула экран к Сэму:

— Вот, решила проверить в порядке бреда.

Весь экран занимали распростёртые крылья летучей мыши и надпись: «Гостиница „Летучая мышь“. У нас вы в безопасности».

Они переглянулись и одновременно порывисто вздохнули. Им стало понятно без слов, что горячность последних суток их жизней обрела смысл.

Глава 10

— Ремезов, ваш номер 4, второй этаж. Завельская, номер 5. Вся информация о правилах проживания в нашей гостинице и дополнительных услугах находится в ваших номерах.

Дежурная даже не старалась быть дружелюбной. Она сурово посмотрела на обоих и положила на стойку два ключа-карты.

— Приятного отдыха, — расщедрилась она на усмешку.

— У вас тут с приветливостью к гостям всегда так или нам особенно повезло? — Зоя не терпела бытового хамства, особенно оплаченного своими деньгами.

Дежурная, дородная высокая женщина с начёсом и манерами надзирательницы, сощурила глаза и так посмотрела на Зою, что другой бы стушевался. Но только не Зоя. Она подняла руки и сказала:

— Всё-всё, теперь верю: «У нас вы в безопасности»! — она подхватила с пола рюкзак и весело, обращаясь к Сэму, сказала: — Ура, теперь мы в безопасности, нас охраняют!

Сэм пытался привыкнуть к манере Зои общаться, но иногда путался — пугаться ему или смеяться?

Гостиница была не первой свежести, видно, что знавала и лучшие времена. Но был в ней какой-то стиль, шарм упадка. Они поднялись по лестнице, и, как только вышли в коридор второго этажа, Зоя запнулась и схватила Сэма за руку:

— Точно тот же запах и ковролин. Если сейчас окажется, что вместо номеров на дверях...

— Зоя, всё в порядке, номера есть и... крылья тоже, — Сэм легонько пожал ей руку.

В каком-то готическом припадке дизайнер покрасил все двери в красный цвет и на них чётко выделялись чёрные крылья, обрамляющие номер комнаты.

Они направились к своим номерам, но как только поравнялись с комнатой три, дверь открылась настежь. На пороге стояла девочка и внимательно смотрела на них, переводя взгляд с одного на другого. Они оба её узнали.

— Здравствуйте, я Мэл. Заходите, пожалуйста. Спасибо, что пришли.

Зоя с Сэмом переглянулись и посмотрели поверх девочки: в комнате были две женщины и мужчина.

«Перебор, — машинально, как в покере, подумала Зоя, — одна женщина лишняя».

— Не могли бы вы представиться? — Мэл закрыла дверь за вновь прибывшими. — Мы четверо уже знакомы. Меня вы знаете, это Максим, доктор Женя и Лена, — представила всех девочка.

Сэм и Зоя назвали свои имена.

— Кто-нибудь имеет представление, что это вообще за бродячий цирк с конями? — Максим нахмурился и обвёл взглядом присутствующих. — Лично я — никакого.

Он сбрил бороду, но выглядел ещё более устрашающе, чем в месяц на больничной койке — тёмные круги под глазами и длинный шрам на лбу, отливающий последними красками обширной гематомы. Вид в зеркале сзади — выбритый затылок и послеоперационный рубец в виде смайлика — не намекал, а прямо говорил, что ближайшее время без ибупрофена ему не обойтись. Голова болела, таблетки помогали ненадолго, и сейчас он щурился от подступающего приступа дурноты.

Лена встревоженно посмотрела на него, достала из сумки блистер таблеток и початую бутылку воды.

— Мы все как-то связаны друг с другом и с каким-то местом. Это очевидно. Но дальше у меня тупик, — Женя внимательно посмотрела на каждого участника круглого стола, — мне больше сказать нечего.

Все чувствовали какую-то неловкость. Воздух в комнате как будто превратился в желе, было душно, но никто не подумал встать и открыть окно.

Сэм сидел, ссутулившись, положив руки на стол, и только иногда украдкой смотрел на других.

Зоя, по правую руку от него, сосредоточенно сдирала заусенец с большого пальца и, наоборот, старательно ни на кого не смотрела. Она была бледна, губы сжаты в линию, глаза прищурены — в своей противофазе она выглядела чуть ли не старше Сэма.

Зоя внезапно откинулась на спинку стула. Сэм сначала отшатнулся, а потом резко протянул к ней руки, думая, что она падает.

— Всё ок, Сэм. Предлагаю всем присутствующим включить мозг. Я тоже ничего не знаю ни о вас, ни о причине всего этого балагана. Знаю только, что никаких случайностей не бывает, и раз мы все оказались в этой матрице, значит, в ней есть смысл. Надо его найти.

— Легко сказать.

Лена встала, подошла к окну, открыла створку и припала к воздуху. Вместе с воздухом в комнату ворвался и разорвал тишину гул магистрали, гостиница стояла прямо у трассы.

— У тебя есть предложение, как это сделать? — спросила она Зою.

— А мы уже перешли на «ты»? Я-то не против, просто надо уточнить. Итак, все на «ты», ок?

В этом состоянии Зоя не выбирала выражений, не жалела ни о резких словах, ни о том, что может кого-то ими задеть.

Максим, Женя, Сэм и, с небольшой задержкой, Лена — все кивнули.

— Не уверена, что смогу говорить вам «ты», — подала голос Мэл. — Вы все намного старше меня, но я попробую. Зоя, вы... ты любишь загадки, наверняка знаешь, как их разгадывать, я очень хочу выслушать твои предложения.

— Откуда ты знаешь? — Зоя перегнулась через стол к Мэл и заглянула ей в лицо. — Что ты обо мне знаешь?

— Много и ничего. Все мои знания о вас, о том, что всё это значит, да и обо мне самой, как это объяснить... как будто загружены в облако и подгружаются мне сразу в речь, когда надо. Я не могу этим управлять, во всяком случае пока. Такого раньше со мной не было, я всегда думала сама, а теперь мои мысли как будто отодвигают и вместо них транслируется... информация. Это очень трудно для меня, поэтому заранее прошу у всех прощения, если задену или создам неловкость.

Мэл посмотрела Зое в глаза и сказала:

— Прямо сейчас вам... тебе очень некомфортно. Ты остро чувствуешь неопределённость, не можешь это контролировать, злишься, тебя это мучает. Но это скоро пройдёт, даже скорее, чем обычно, — она повернулась к Сэму. — Не переживайте, с ней всё в порядке, просто она так волнуется.

Сэм побледнел и выдавил полушёпотом:

— Ты экстрасенс? Провидица?

Мэл грустно вздохнула и потёрла пальцем переносицу. Была у неё такая привычка, когда ей было трудно общаться.

— Я же попыталась объяснить. Я не знаю ничего, кроме того, что слышу вместе с вами в тот самый момент, когда говорю. И сейчас я очень хочу услышать Зою, у неё есть предложение, которое нам поможет.

Странно, но слова Мэл как-то разрядили обстановку. Лена спросила, кто хочет чай или кофе, и занялась приготовлением. Женя поделилась с Максимом сигаретой, они встали у разных окон и курили. Сэм придвинул стул к столу, снял пиджак, аккуратно повесил на спинку, разгладил плечи и пересел в кресло у торшера.

Зоя достала из холодильника и большими глотками выпила бутылку воды. Прислонилась к стене, стянула резинку, запустила пальцы в волосы, закрыла глаза и массировала голову. Этот приём всегда помогал ей успокоиться.

Мэл достала из рюкзака большой пакет с пряниками и батончики, положила на стол.

— Только ребёнок позаботился о топливе для мозгов, — сказала с улыбкой Лена, но вовремя остановила руку, протянутую, чтобы погладить девочку по голове. Она вспомнила, что Мэл не любит, когда её касаются без приглашения.

Все быстро разобрали чашки, сладости, устроились так, чтобы видеть других.

— Попробую сформулировать, — Зоя села, подогнув под себя ногу. — Я предлагаю самое простое: нам всем нужно рассказать о себе. Думаю, что, если мы будем внимательно друг друга слушать, в какой-то момент мы увидим связь — мы все что-то знаем. Но пока оно хаотичное, как рассыпанный пазл. Попробуем его сложить.

И ещё: после того, что сказала Мэл, у меня появилась догадка — мы все обладаем какой-то способностью, даром, который важен для... чего-то. Поэтому предлагаю рассказывать честно.

Зоя быстро посмотрела на Сэма, увидела панику в его глазах.

— Я знаю, это будет тяжело. Наверняка никто, уж я-то точно, не хочет вспоминать некоторые эпизоды своей жизни, но сейчас в этом есть необходимость — если вырубилось электричество и нечем заправить «Теслу», а нужно позарез ехать, можно откопать из-под хлама в гараже дедову копейку, заправить и поехать...

— ...Или не ехать. Оставить всё как есть, отчалить и забыть, как странный сон.

Все посмотрели на Лену.

— Вы говорите о каком-то «смысле», «матрице» — ребят, я реально не в теме. Для меня уже всё произошло. Ко мне с неба свалился старый друг, я встретила Макса. А всё остальное, что нам пришлось пережить, вплоть до этого момента, — это всё не по мне. Я ничего не знаю, кроме того, что с удивлением встретила здесь Евгению Игоревну. Да и не могу я встречать во что-то непонятное — у меня осталось два последних месяца, решается вопрос опеки над сыном, и если я куда-то исчезну, пропущу встречу, то... то...

Она закрыла лицо руками, плечи затряслись.

— Простите, пожалуйста, я... я сейчас... — она ушла в ванную комнату.

Повисшую тяжёлую тишину нарушила Мэл:

— Здесь не все. Мы ещё не всех нашли, а Лена и правда не при делах. Во всяком случае, наших.

— Час от часу не легче! Как, где и кого нам надо искать?! — Максим, расстроенный из-за подруги, взял из пачки на столе сигарету, пошёл к окну, но вернулся, постучал в дверь ванной. — Ленка? Помощь нужна?

Они рука об руку вернулись в комнату.

— Простите, — глаза Лены покраснели, кожа на шее пошла пятнами, — это слишком болезненно для меня. У меня нет никого, кроме сына, и ничего, кроме памяти о его отце. Я и так причинила сыну слишком много боли, у меня больше не будет попыток наладить нашу с ним жизнь. Макс, прости меня.

Мэл встала и неожиданно обняла Лену, крепко прижалась к ней. Ещё более неожиданно Сэм подошёл к ним и обнял Лену за плечи.

— Спасибо тебе, всё у вас с сынишкой будет хорошо. О такой маме можно только мечтать.

Лена благодарно погладила Мэл по голове, Сэма по руке и снова расплакалась.

— Лен, как говорится, сто процентов понимания, ноль осуждения, — Зоя привстала на стуле, поменяла ногу, — у меня предложение: давайте сегодня на этом закончим. Попрошайся с Леной, разойдёмся по своим номерам, переспим со всем этим, а завтра с утра пораньше соберёмся и слушаем рассказы друг друга.

И ещё: предлагаю сегодня завершить свои дела и отключить телефоны. На всякий случай, биллинг может многое, рисковать не стоит.

Все подошли попрощаться с Леной. Это прощание почти незнакомых людей было каким-то щемяще-трогательным и затронуло за живое. Казалось, что каждый в этот момент прощался с чем-то своим.

Глава 11

Утром пятеро собрались в номере Мэл и Жени. Зоя взяла со столика гостиничный блокнот и ручку, порвала лист на четыре части, написала номера, сложила кусочки и перемешала в бейсболке.

— Берите воду, понадобится, — сказала Женя, набирая из мини-бара бутылки.

Сэм кутался в трикотажный шарф и грел пальцы, обхватив чашку с горячим чаем. Ему не нравился холодный утренний воздух из распахнутых окон, но сказать об этом в голову не приходило.

— Почему ты сделала четыре номера, а не пять? — спросил он.

— Думаю, будет правильно, если Мэл выступит последней. Это логично в свете того, что она нам вчера рассказала.

Сэм кивнул, Максим пожал плечами, Женя вздохнула и тоже кивнула.

— Тогда приступим. Берите бумажки. Предлагаю подводить итоги после того, как расскажут все. Нам надо понять, что нас всех связывает, зачем мы вместе и что делать дальше. Кто бы сомневался! — воскликнула она и положила на стол бумажку с номером 1. — Моё везение всегда со мной.

Она поставила локти на стол, прижала пальцы к вискам и несколько мгновений сидела так, глядя в никуда.

— Ну что ж, начну с конца. Я сейчас нахожусь в таком периоде жизни, когда уже не понимаю, кто я и что я. Недавно, буквально позавчера, кое-что произошло. Точнее, произошёл глитч — сбой моей матрицы. Вот я на вокзале, охочусь на Сэма, мне всё понятно, я спокойна и уверена, всё под контролем, знаю, что будет дальше. А вот я дома — блюю дальше, чем вижу, потому что узнала кое-что о себе.

Зоя встала, порылась в рюкзаке, достала упаковку деревянных зубочисток и вставила одну в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.